



HI-FI

НИК ХОРНБИ

Культовый роман,
вдохновивший
создателей сериала
«Меломанка»

Ник Хорнби

Ni-Fi

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66877523

Н. Хорнби. Ni-Fi: ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик»; Москва;

2021

ISBN 978-5-386-14526-2

Аннотация

Робу 35 лет, у него свой магазин виниловых пластинок, четкие представления о мире и... его только что бросила девушка ради другого парня. Он чувствует себя несчастным, но в тоже время освобожденным, так как не готов брать лишние жизненные обязательства. Роб проводит время в компании своих сотрудников, составляет списки «топ-5» и видится с бывшими, чтобы понять себя и пересмотреть неудачи в отношениях. Это приводит его к очень интересным и важным личным открытиям.

«Ni-Fi» Ника Хорнби – смешная и печальная, остроумная и порой глубокомысленная, трогательная и местами циничная история о любви.

Содержание

Тогда...	5
1	6
2	14
3	22
4	29
5	40
Теперь...	48
1	48
2	61
3	68
4	76
5	85
6	95
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Ник Хорнби Hi-Fi

Nick Hornby
High Fidelity

© Nick Hornby 1995

© Карельский Д. А., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2021

* * *

Посвящается Вирджинии

Тогда...

Моя безусловная и окончательная первая пятерка самых памятных разлук (привожу в хронологическом порядке):

- 1) Элисон Эшворт;
- 2) Пенни Хардвик;
- 3) Джеки Аллен;
- 4) Чарли Николсон;
- 5) Сара Кендрию.

Расставание с ними глубоко ранило душу. Ты не находишь в этом перечне своего имени, да, Лора? В первую десятку ты, думаю, еще могла бы пролезть, но в первой пятерке тебе делать нечего – все места в ней заняты теми, из-за кого я изведal такое горестное унижение, какого ты доставить попросту не способна. Возможно, мои слова прозвучат чересчур жестоко, но, видишь ли, мы с тобой уже слишком много прожили, чтобы научиться причинять друг другу боль, и это хорошо, а не плохо, посему не принимай непопадание в пятерку очень уж близко к сердцу. Это все давние дела, они в прошлом, и черт бы с ними. Когда-то быть несчастным значило действительно многое; теперь же это лишь досадная помеха вроде простуды или пустого кармана. Чтобы по-настоящему отметить в моей жизни, тебе следовало появиться раньше.

Элисон Эшворт /1972/

Чуть не каждый вечер мы околачивались в парке поблизости от моего дома. Мы тогда жили в Хартфордшире, но с тем же успехом могли бы жить в любом другом английском спальном районе: такой уж это был район и такой парк – три минуты от дома, через дорогу от скопления торговых точек (кооперативный супермаркет, газетный киоск и винная лавка). Здесь не было ничего, что помогло бы опознать округу; застав магазины открытыми (они закрывались в половине шестого, по четвергам – в час, а по субботам и вовсе не работали), ты могла зайти в газетный киоск и купить местную газету, но и в ней не нашла бы подсказки.

Нам было по двенадцать-тринадцать, и мы только-только начали замечать забавную двойственность – или я осознал ее уже задним числом? – нашего поведения: мы позволяли себе играть на качелях, каруселях и прочем ржавеющем в парке малышейовом хламе только при условии, что получалось сохранять этакую застенчивую ироническую отрешенность. Она достигалась либо напускной рассеянностью (можно было насвистывать, перебрасываться ничего не значащими фразами, вертеть в руках потухший бычок или коробок спичек), либо заигрыванием с опасностью, так что мы

прыгали с качелей, когда они взмывали выше некуда, заскакивали на карусель, когда она раскручивалась на полную, висели, уцепившись за конец качельной перекладины, до тех пор, пока она не вставала вертикально. Если удавалось каким-то образом доказать, что эти детские снаряды в любой момент могут вышибить тебе мозги, тогда все нормально, на них можно лезть.

Но в отношении девчонок никакой забавной двойственности не было. Ей просто некогда было развиваться. Еще недавно они нас ни под каким видом не интересовали, их как бы и вовсе не наблюдалось поблизости, а тут вдруг от них стало некуда деться, они заполонили все вокруг и были повсюду. Еще недавно тебе хотелось ткнуть одну из них по голове за то, что она твоя или чья-нибудь еще сестра, а в один прекрасный день... собственно, мы толком и не понимали, чего нам захотелось в этот прекрасный день – чего-то такого, ну вот *такого*. Как-то внезапно все эти сестренки (а никаких других девчонок до поры до времени просто не было рядом) начали нас интересоваться и даже будоражить воображение.

Чем мы могли похвастаться из того, чего не имели прежде? Ломающиеся голоса, но это сомнительное богатство – обладатель срывающегося в писк голоса скорее нелеп, чем желанен. Что до пробивающейся на лобке растительности, то для каждого она оставалась тайной – строго между тобой и твоими трусами – и должны были пройти еще долгие годы, покуда особь противоположного пола не подтвердит, что

все выросло там, где надо. Девчонки же обзавелись грудью, а вместе с ней и новой, особенной такой походочкой – со сложенными на груди руками, которые как бы и маскировали новоприобретение, и одновременно привлекали к нему внимание. А потом еще косметика и духи, неизменно дешевые, неумело, а часто и по-смешному используемые, но тем не менее грозно напоминающие о том, что нечто происходит без нас, помимо нас, за нашими спинами.

У нас началось с одной из них... нет, я неправильно выразился, поскольку к решению о начале я был абсолютно непричастен. Впрочем, не могу сказать, что *у нее* это началось со мной, ведь выражение «у нас началось» таит в себе подвох, предполагая равноправие, равную инициативу сторон. А в нашем случае Элисон, сестра Дэвида Эшворта, вдруг отделилась от девичьей стайки, собиравшейся каждый вечер на скамейке в парке, подошла, обняла меня за плечи и повлекла прочь от качелей.

Я не могу припомнить, как, собственно, она все это проделала, да и тогда толком не понимал. В процессе нашего первого поцелуя – моего первого поцелуя – я, как сейчас помню, был совершенно сбит с толку, задумавшись над тем, каким образом между Элисон Эшворт и мною образовалась такая близость. Я был словно в тумане, когда очутился у девчачьей скамейки, вдали от брата Элисон, вдали от Марка Годфри и остальных, и потом, когда мы удалились от ее компании. Я не соображал, с чего это она так откинула голову, но до меня

сразу дошло, что надо прикоснуться губами к ее губам. Рациональному объяснению этот эпизод не поддается. Но как бы то ни было, все именно так и произошло и снова, с незначительными вариациями, происходило на следующий вечер и на следующий после следующего.

И что только было тогда у меня в голове? И что было в голове у нее? Сейчас, если я хочу вот так, горячо и от души, целоваться с барышней, это потому, что я хочу от нее еще много чего другого: секса, походов в кино в пятницу вечером, хочу получить в ее лице спутника и собеседника, хочу, чтобы она познакомилась с моими родственниками и друзьями, а я познакомился с ее, чтобы она приносила мне лемсип¹ в постель, когда я болею, чтобы слушала мои кассеты и диски, может быть, даже родила мне маленького мальчика по имени Джек и маленькую девочку, еще не решил, – Холли или Мейзи. Но от Элисон Эшворт я ничего из перечисленного не хотел: ни детей – мы же сами были детьми; ни пятничных вечеров в кино – мы ходили туда по утрам в субботу; ни лемсипа – его мне давала мама; ни даже секса... и уж тем более не секса – умоляю, только не секса! – этого самого мерзостного и кошмарного изобретения начала семидесятых.

В таком случае что мы оба имели в виду? Да ничего мы в виду не имели и прокладывали себе дорогу на ощупь. Нами двигали отчасти тяга к подражанию (к 1972 году я видел це-

¹ Лемсип – популярное в Британии противопростудное лекарство. – *Здесь и далее примеч. пер.*

люющими Джеймса Бонда, Саймона Темплара, Наполеона Соло, Барбару Виндзор с Сидом Джеймсом или, возможно, с Джимом Дейлом, Элси Таннер, Омара Шарифа с Джулией Кристи², Элвиса Пресли и еще уйму черно-белых чело-вечков, на которых моя мама так любила смотреть, хотя они и целовались как-то по-деревянному), отчасти бессилие перед гормонами, отчасти боязнь отстать от ровесников (Кевин Баннистер и Элизабет Барнз занимались этим уже недели две), отчасти слепая паника... Мы ничего не сознавали, не испытывали ни страсти, ни удовольствия, если не считать таковым непривычное и в меру приятное потепление внизу живота. Мы были двумя зверьками, но это вовсе не означало, что еще неделя – и нам уже станет мешать одежда; образно выражаясь, зверьки понюхали друг у друга под хвостом и нашли запах не таким уж отталкивающим.

Но послушай, Лора, что было дальше. На четвертый день наших с Элисон отношений прихожу я в парк и вижу: она сидит на скамейке, обняв Кевина, а Элизабет Барнз поблизости нет. Никто – ни Элисон, ни Кевин, ни я, ни болтающиеся

² Саймон Темплар – герой британского детективного сериала «Святой» (1962–1969), его играл Роджер Мур, который впоследствии в шести фильмах исполнил роль Джеймса Бонда; Наполеон Соло – один из двух главных персонажей (второй – русский Илья Курякин) комедийного шпионского сериала «Агенты А.Н.К.Л.» («The Man From U.N.C.L.E.»), США, 1964–1968; Барбара Виндзор к 1972 году снялась в десятке фильмов с Сидом Джеймсом и в трех – с Джимом Дейлом; Элси Таннер – героиня «самого великого» британского телесериала «Улица Коронации», идущего с 1960 года; Омар Шариф сыграл Юрия, а Джулия Кристи – Лару в фильме «Доктор Живаго» (1965).

на качелях сексуально отсталые придурки – не проронил ни звука. Я застыл, ошарашенный, залился краской, а тут еще и почувствовал, что не могу шагу ступить – ноги-руки меня не слушались. Что делать? Куда податься? Лезть в драку я не хотел, сидеть здесь с этими двумя не хотел, идти домой тоже не хотел. И вот, изо всех сил сосредоточившись на фантиках, которыми была отмечена тропа от девчонок к мальчишкам, не поднимая глаз, не оборачиваясь назад и не глядя по сторонам, я направился к облепившей качели плотной массой одиноких самцов. На полпути я допустил один досадный просчет: остановился посмотреть на часы, хотя, разрази меня гром, не имел ни малейшего представления, что я хочу этим доказать, кого пытаюсь одурачить. Что такого особенного должны были тем сентябрьским днем показывать часы, чтобы парень тринадцати лет, с потными ладонями, рвущимся из груди сердцем, отчаянно сдерживающий слезы, отвернулся от девчонки и ринулся к детской площадке? Уж конечно, не четыре часа пополудни.

Выватив изо рта у Марка Годфри сигарету, я в одиночестве уселся на карусели.

– Соплём не вышел, – процедил брат Элисон, Дэвид, и я любезно осклабился в ответ.

Все кончено. Но где я себя неправильно повел? Итак, первый вечер: парк, закурил, она. Второй вечер: то же самое. Третий вечер: то же самое. Четвертый вечер: облом. Ладно, хорошо. Может, я не углядел предвестий конца? Может, сам

же его и приблизил? Где-то во время второго того же самого я мог бы заметить, что как-то все у нас однообразно, что по моей вине в наших отношениях обозначился застой, толкнувший ее искать мне замену. Но могла же она об этом сказать! Могла, по крайней мере, дать пару дней на то, чтобы исправить положение!

Наши с Элисон Эшворт отношения длились шесть часов (два часа между школой и вечерним выпуском программы «По стране», умноженные на три), так что у меня не было оснований сетовать, мол, я к ней привык и теперь не знаю, как без нее жить. Если честно, я ее почти не помню. Она была длинноволосой брюнеткой? Вроде бы. Невысокого роста? Ну пониже меня, это точно. Раскосые, словно бы азиатские глаза и смуглая кожа? Это могло остаться в памяти как от нее, так с равным успехом и от кого-то другого. Да что там говорить! И все же, вздумай я расположить имена в своей первой пятерке самых памятных разлук не в хронологическом порядке, а по мере убывания боли, она заняла бы в ней почетную вторую строчку. Порой приятно думать, что за то время, пока я выросел, все стало по-другому: что романы теперь строятся изощреннее, что женщины не такие жестокие, кожа толще, реакции тоньше, а инстинкты не столь примитивны. Но во всем, что бы со мной с тех пор ни происходило, слышались отзвуки того вечера; все последующие мои романтические истории казались натужной копией той, самой первой. И понятно почему: ведь никогда больше мне

не приходилось проделывать столь тягостного пути, никогда мои глаза не горели таким неистовством, никогда с тех пор я не считал дурацкие фантики, чтобы избежать глумливых взглядов и не разреваться... Нет, точно никогда подобное больше не повторялось. Во всяком случае, временами у меня бывает такое ощущение.

Пенни Хардвик /1973/

Пенни Хардвик была хорошей девочкой, и сейчас я обеими руками за хороших девочек, но о себе тогдашнем я бы этого не сказал. У нее были хорошая мама и хороший папа, они жили в хорошем собственном доме с садиком и прудом, она носила положенную хорошей девочке прическу (недлинные, всегда чисто вымытые блондинистые волосы лежали у нее плотной шапочкой – типичная староста класса), у нее были хорошие добрые глаза и хорошая младшая сестренка, которая с улыбкой открывала, когда я звонил в дверь, и послушно уходила, когда нам этого хотелось. У нее были хорошие манеры – она очень нравилась моей маме – и в школе она получала только хорошие отметки. Пенни была симпатичной, и в пятерку ее любимых музыкантов входили Карли Саймон, Кэрол Кинг, Джеймс Тейлор, Кэт Стивенс и Элтон Джон. Она многим нравилась. Она, собственно, была настолько хороша, что не позволяла мне не то чтобы залезть под лифчик, но и пощупать через него, вот я с ней и порвал, хотя, ясное дело, не стал объяснять причину. Она рыдала, и я ненавидел ее за это – от ее рыданий мне делалось погано.

Я знаю, кем выросла Пенни Хардвик – она выросла хорошим человеком. Насколько мне известно, она поступила

в колледж, училась на отлично, а после колледжа устроилась продюсером на радио Би-би-си. Скорее всего, сейчас она смышленная, серьезная – порой, возможно, чрезмерно – и целеустремленная, но не до тошноты. Задатки всего этого имелись у нее и в пору наших с ней отношений, и, будь я постарше, я бы считал эти черты притягательными достоинствами. Но тогда меня интересовали не какие-то там достоинства, а сиськи, и посему она была мне не пара.

Хотел бы я рассказать тебе о том, как мы с ней вели долгие увлекательные беседы и как потом на всю юность остались верными друзьями – для кого другого она могла бы стать хорошим другом – но, похоже, мы с Пенни вовсе не разговаривали. Мы ходили в кино, в гости и на дискотеки, а еще мы боролись. Мы боролись у нее в спальне и у меня в спальне, у нее в гостиной и у меня в гостиной, в спальнях и в гостиных там, куда ходили в гости, а летом – на всех укромных лужайках. Цель борьбы была всегда одна и та же. Временами я так уставал от бесплодных попыток дотронуться до ее груди, что старался сунуть руку ей между ног. Сколько горькой самоиронии было в этом жесте – все равно что, попытавшись занять пятерку и получив отказ, просить сразу полсотни.

Мальчишки в нашей школе (школа, в которой я учился, была мужской) спрашивали приятелей: «Далеко вы с ней зашли?»; «Она тебе чего-нибудь позволяет?»; «А что, много она тебе позволяет?» и вроде того. Иногда вопросы бывали с подвохом и заведомо предполагали отрицательный от-

вет: «Она ведь тебе ничего такого не позволяет?»; «Ты что, и сиськи у нее не пощупал?» Девчонкам тем временем отводилась исключительно пассивная роль. Пенни в отношении себя употребляла словечко «уступить». «Я еще не готова уступить», – говорила она терпеливо и с толикой тоски в голосе (видимо, понимая в душе, что в один прекрасный день – но не сейчас! – придется сдаться и, когда это произойдет, ей понравится), в сотысячный раз убирая от своей груди мою руку. Нападение и защита, вторжение и ответный удар... выходило так, что их груди – наша собственность, незаконным путем присвоенная противоположным полом. Они по праву принадлежали нам, и мы требовали восстановления справедливости.

К счастью, в лагере противника попадались предатели, водилась пятая колонна. Некоторые из нас были знакомы с мальчишками, чьи подруги «позволяли» все что угодно; кое-кто из этих подруг, по слухам, всячески потворствовал приставам. Никто, разумеется, не слыхал, чтобы какая-нибудь из них совсем разделась или там приспустила трусики. Это превысило бы все возможные пределы сотрудничества. Насколько я тогда понимал, эти девчонки просто облегчали своим приятелям задачу. «Она втягивает живот, ну и еще всякое», – одобрительно отзывался Клайв Стивенс о подружке своего старшего брата; у меня ушел почти год, чтобы постигнуть смысл этого телодвижения. Я до сих пор, и тут нет ничего удивительного, помню имя той, что втягивала живот,

ее звали Джудит; какой-то частью своего существа я все еще надеюсь повстречаться с ней.

Открой любой дамский журнал, и тебе непременно попадутся сетования, что, мол, мужчины – а они и через десять, и через двадцать, и через тридцать лет остаются все теми же маленькими мальчиками – безнадежны в постели. Их не интересует «любовная игра», они не желают стимулировать эрогенные зоны партнерши, они эгоистичны, прямолинейны, неуклюжи и примитивны. За этими сетованиями мне ясно видится усмешка судьбы: когда-то нам только и нужна была эта самая любовная игра, а не интересовала она как раз девчонок. Они не желали, чтобы их касались, ласкали, возбуждали и заводили; тот из нас, кто пытался это делать, получал по башке. И чего же удивляться, что мы так и не овладели всей этой премудростью. Долгих два или три года, имевших крайне важное значение для формирования личности, нам настойчиво внушали, что мы не смеем даже и помыслить об этом. Между четырнадцатью и двадцатью четырьмя из того, чем хотят заниматься мальчишки и не хотят девчонки, любовная игра превратилась в нечто, чего всей душой желают женщины и чем не желают утруждать себя мужчины. (Или это они просто так говорят. Лично мне любовная игра нравится, главным образом из-за того, что у меня еще слишком свежа память о временах, когда от представительницы противоположного пола я хотел только одного – дотронуться до нее.) Идеально, с моей точки зрения, подошли бы друг

другу женщина со страниц Cosmopolitan и четырнадцатилетний подросток.

Если бы кто-нибудь спросил меня тогда, с чего это я с бешеным упорством рвусь к груди Пенни Хардвик, я бы не нашелся с ответом. Да и Пенни, готов поспорить, озадачил бы вопрос, почему она столь же упорно меня останавливает. Чего, собственно, я искал? Ведь, в конце концов, ни ответных действий, ни взаимности я от нее не ждал. А она почему сопротивлялась и не позволяла мне стимулировать ее эрогенные зоны? Понятия не имею. При желании ответы на все эти непростые вопросы можно было бы извлечь откуда-нибудь из тьмы раздираемого смутами междуцарствия, отделяющего появление первой растительности на лобке от первого использованного тобой презерватива.

Как бы то ни было, не исключено, что запустить руку под лифчик Пенни я хотел не так сильно, как мне казалось. Может быть, другим хотелось, чтобы я пощупал ее, гораздо больше, чем этого хотел я сам. Пару месяцев провозившись с Пенни на куче разных диванов, я понял, что с меня довольно, и признался одному приятелю – сдуру, как после выяснилось, – в том, что так ничего от нее и не добился. Этот приятель передал мои слова другим нашим приятелям, и в результате я сделался мишенью жестоких и весьма гнусных шуток. Последнюю решающую попытку я предпринял у себя в спальне, когда мать с отцом ушли смотреть «Ветер в ивах»³

³ «Ветер в ивах» – пьеса по детской сказке английского писателя Кеннета Грэма

— пьесу представляло в здании городского совета местное общество любителей театра. Я действовал с устрашающим напором, перед которым не устояла бы и взрослая женщина, но от Пенни не получил ничего; я проводил ее домой, и по дороге мы едва обменялись парой слов.

Во время следующей нашей встречи я был суров и рассеян, а когда под конец вечера она собралась было поцеловать меня на прощанье, я остановил ее. «Что толку? — обронил я. — Дальше-то ничего не будет». Мы встретились еще раз, и она спросила, хочу ли я по-прежнему видеться с ней, а я как бы этого не услышал. Мы с Пенни гуляли три месяца, и, поскольку оба мы учились только в четвертом классе, наши отношения можно было бы уже считать устойчивыми. (Ее родители познакомились с моими. Друг другу они понравились.) Потом она ревела, и я ненавидел ее за то, что из-за нее чувствую себя виноватым, и за то, что из-за нее у нас все кончилось.

Я начал гулять с девчонкой по имени Ким; она, как я знал наверняка, уже уступала мальчишкам и не станет иметь ничего против того, чтобы уступить еще раз (это мое предположение впоследствии подтвердилось). А Пенни гуляла с Крисом Томсоном из моего класса, у которого было больше подруг, чем у всех нас, вместе взятых. Я шагнул на неизведанную территорию, она — тоже.

Как-то утром, недели, может, через три после нашей с

Пенни последней схватки, Томсон влетел в класс и с ходу проревел:

– Эй, Флеминг, недоносок! Угадай, кому я вчера палку кинул.

Стены поплыли у меня перед глазами.

– Ты за три месяца и сиськи у нее не пощупал, а мне она через неделю дала!

Я поверил ему. Всем было известно: он добьется чего угодно от кого угодно. Меня унизили, побили, обставили. Я чувствовал себя маленьким и глупым, а этот малоприятный губастый дебил-переросток как бы стал вдруг гораздо, гораздо старше меня. По-хорошему, мне не с чего было так убиваться. В том, что имеет отношение к телесному низу, Томсон всегда выступал в своей собственной весовой категории, а у нас в четвертом «Б» было полным-полно недоразвитых малявок, которые в жизни и за плечи-то девчонку не приобняли, им невысказанные мотивы моих переживаний показались бы чересчур мудреными. Лица я не потерял, но еще долго ломал голову над тем, что же все-таки случилось. Отчего с Пенни произошла такая перемена? Каким образом из девчонки, которая не позволяла ничего, она превратилась в девчонку, которая позволяет все, что только можно позволить? Вероятно, не стоило мне этим так грузиться. В той ситуации я не хотел жалеть никого, кроме себя самого.

Скорее всего, с Пенни теперь все нормально, со мной так точно все нормально. Подозреваю, что и из Криса Томсо-

на вышел не худший представитель рода человеческого. По крайней мере, мне трудно себе представить, чтобы он заявился к себе на работу – в банк, страховую компанию или в автосалон – и, шваркнув портфелем о стол, гнусно-радостным тоном оповестил коллегу о том, что «кинул палку», скажем, жене этого самого коллеги. (Впрочем, легко допускаю, что он кидает палки чужим женам. Уже в юности у него были к этому все задатки.) Женщинам, которые осуждают мужчин – а в мужчинах многое достойно осуждения – следует помнить, с чего мы все начинали и какой долгий путь нам потом пришлось пройти.

Джеки Аллен /1975/

Джеки Аллен была подружкой моего приятеля Фила; несколько месяцев я методично и терпеливо уводил ее. Чтобы добиться своего, мне потребовалось немало времени, усердия и притворства. Фил и Джеки начали встречаться примерно тогда же, когда и мы с Пенни, но, в отличие от наших, их отношения, пережив четвертый класс, с его хиханьками-хаханьками и гормональным зудом, убийственную пору переводного экзамена и последний для многих пятый класс, мирно продолжались и в начале шестого, в котором мы уже всерьез разыгрывали из себя взрослых. Это была образцовая пара, наши Пол и Линда, наши Ньюман и Вудворд⁴, живое доказательство того, что и в неверном, изменчивом мире можно состариться – или, на крайний случай, вырасти, – не меняя при этом привязанности каждые несколько недель.

Сам не понимаю, с чего меня вдруг потянуло подгадить им двоим и всем тем, кто мечтал и дальше видеть их вместе. Знаешь, это как когда видишь в магазине красиво разло-

⁴ Пол Ньюман и Джоанн Вудворд – выдающиеся американские актеры, прожившие в браке полвека и с середины 1950-х годов по 1990 год снявшиеся вместе в полутора десятках фильмов.

женные по цветам футболки и покупаешь одну из них. Дома разворачиваешь, смотришь – совсем не то, и слишком поздно соображаешь: футболка понравилась тебе исключительно потому, что в магазине она лежала в окружении себе подобных. Вот и с Джеки вышло что-то похожее. Я надеялся, гуляя с ней, оттянуть на себя немного ее величавости, но, и это вполне естественно, без Фила величавости в ней не осталось и следа. (Чтобы не лишать Джеки этого ее свойства, мне, наверное, следовало бы изыскать способ проводить время с ними обоими, что и взрослому-то нелегко, а в семнадцать лет за это запросто могут и камнями побить.)

Фил начал по субботам работать в магазине мужской одежды, и я перешел в наступление. Те из нас, кто не работал или работал по будням после школы, встречаясь в субботу после обеда, прогуливались взад-вперед по Хайстрит, просаживали кучу времени и денег в магазине пластинок HarleQuinn Records и «баловали себя» (от наших матерей мы усвоили некоторые словечки из суровых послевоенных лет) «кофеварочным» кофе – это считалось последним французским шиком. Иногда мы заглядывали в магазин к Филу; иногда он продавал мне что-нибудь со скидкой, положенной только персоналу. Это не мешало мне потихоньку от него спать с его подружкой.

Я знал – этому научили меня Элисон и Пенни – что расставаться бывает тяжело, но не знал, что и роман крутить тоже может быть тяжело. А нам с Джеки было пронзительно, не по-

детски тяжело. Мы встречались втайне от всех, и созванивались втайне от всех, и занимались любовью втайне от всех, и спрашивали друг друга «Что будем делать?» втайне от всех, а еще мы говорили о том, как здорово будет, когда нам не придется больше скрываться. Я в общем-то не задумывался, верю я в это или не верю. Как-то не хватало времени задумываться.

Я старался не торопить ее с отставкой Филу – я и так чувствовал себя достаточно неудобно из-за того, что сплю с его подружкой и все такое. Но отставка была неизбежной: Джеки высказывала мне сомнения на его счет, и я вынужденно, как больных котят-сосунков, пестовал эти ее сомнения, пока в конце концов они не выросли в полновесные крепкие обиды и не начали свободно, когда им самим заблагорассудится, своими кошачьими лапами проникать в наши с ней разговоры.

А потом как-то на вечеринке я увидел, что Фил с Джеки шушукаются в уголке, и Фил при этом был явно расстроен, весь побледнел и чуть не плакал, а потом он ушел домой, а на следующее утро Джеки позвонила мне и спросила, не хочу ли я пойти погулять, и мы пошли гулять, и с тех пор уже ни от кого не прятались; продолжалось это недели три.

Ты скажешь, Лора, мы были детьми. Ты скажешь, что это идиотизм – сравнивать Роба и Джеки с Робом и Лорой, давно разменявшими четвертый десяток, прочно стоящими на ногах, живущими вместе. Ты скажешь, что подростковый

адюльтер ничто в сравнении с адюльтером взрослых, и будешь не права. С тех пор я несколько раз оказывался одним из углов любовного треугольника, но этот самый первый угол был и самым острым. Фил перестал со мной разговаривать, наша субботняя компания тоже отныне не хотела иметь с нами дела. Мама Фила позвонила моей маме. В школе я несколько недель чувствовал себя неудобно.

Сравни – и пойми разницу – тогдашнюю мою ситуацию с тем, как бы я повел себя в подобных обстоятельствах сейчас, когда я мог бы начать ходить в другие пабы и клубы, мог бы не отключать автоответчик, больше времени проводить в городе и меньше сидеть дома, порвать с прежним кругом общения и вписаться в новый (как правило, откуда бы ни взялась очередная моя подруга, ее компания никогда не пересекается с моей), а также избегать контактов с оскорбленными в лучших чувствах родителями. Тогда же вот так уйти в тень было невозможно. Хочешь не хочешь, приходилось принимать удар.

Что в ту пору озадачивало больше всего, так это чувство унылого разочарования, охватившее меня после звонка Джеки тем воскресным утром. Я совершенно не понимал, что бы оно значило. Ведь сколько месяцев я подготавливал ее похищение, и вот теперь, когда она в полном моем распоряжении, я не чувствовал ничего – и даже того меньше. Ясное дело, Джеки я об этом сказать не мог, но в то же время не мог и источать того восторга, какого, я это прекрасно видел,

она от меня так ждала. Поэтому я решил вытатуировать на правом плече ее имя.

Оставить на себе пожизненную отметину мне представлялось тогда выходом гораздо более легким, нежели объяснять Джеки, что произошла нелепая ошибка, что я все безбожно напутал. Она увидит мою наколку, рассуждал я, и мне не придется вымучивать из себя слова, произнести которые выше моих сил. Я бы сказал ей, что я не из тех, кому без татуировок никуда, что я не принадлежу и отродясь не принадлежал ни к числу пофигистов-рокеров, ни к накачанным пивом амбалам. Впрочем, как раз в это время у нас в школе пошла повальная мода на наколки, и я точно знаю, что многие мужчины, коим сейчас изрядно за тридцать – среди них есть бухгалтеры и учителя, менеджеры по персоналу и программисты – из той далекой эпохи донесли на своей коже душераздирающие послания типа «МАНЧЕСТЕР – ЧЕМПИОН!» или «LYNYRD SKYNYRD».

Я и собирался-то всего-навсего выколоть у себя на плече таинственное «Д+Р», но у Виктора, мастера по тату, не нашлось нужного трафарета.

– Ну и кто тут она – «Д» или «Р»?

– «Д».

– И давно у тебя с этой сладкой «Д»?

Меня и так пугала царившая в салоне агрессивная мужественность, каковую воплощали клиенты (все они, без сомнения, относились к разряду накачанных пивом амбалов,

и мое появление почему-то их позабавило), голые тетки на стенах и ужасающие образцы предлагаемых Виктором услуг – большая часть композиций для наглядности была воспроизведена у него на предплечьях. А тут еще его доверительно-оскорбительная манера выразаться.

– Достаточно давно.

– Достаточно или недостаточно – это не тебе, дятлу, решать.

Я подивился было его воззрениям относительно того, как надо вести дела, но решил оставить свои соображения при себе.

– Пару месяцев.

– А теперь собрался на ней жениться? Или, может, она от тебя залетела?

– Не-а. Ни то ни другое.

– Короче, вы просто гуляете и ты ей ничего не обещал?

– Ага.

– Познакомились-то как?

– Она была подругой одного моего приятеля.

– Ну и оставалась бы, дура, с ним. Когда ж у них все кончилось?

– В субботу.

– В субботу! – заржал он. – Всю жизнь мечтал, чтоб твоя мамочка приперлась сюда сопلي пускать. А ну вали нахер отсюдава!

Я и повалил нахер оттудова.

Виктор конечно же был чертовски прав. С тех пор в периоды сердечных терзаний меня частенько подмывало разыскать его – уж он бы в десять секунд разобрался, стоит предмет терзаний татуировки или нет.

Фил с Джеки вскоре воссоединились в слезах восторга, но даже и после этого жизнь не пошла по старой колее. Некоторые девчонки из ее школы и некоторые мальчишки из нашей полагали, что Джеки просто использовала меня, чтобы потом продолжить отношения с Филом на более выгодных для себя условиях. Субботние прогулки по магазинам и кафе не доставляли нам бывшего удовольствия. А еще мы больше уже не восхищались неразлучными парочками, теперь мы подсмеивались над ними, да и сами они с не меньшей охотой подсмеивались над собой. За какие-то считанные недели псевдосупружеский статус утратил в наших глазах всю свою прелесть и вызывал отныне лишь глумливые насмешки. Семнадцатилетними мы уже начинали тягаться с родителями в ожесточенности и приземленности.

Такие дела, Лора. Тебе, в отличие от Джеки, нипочем так вот не поставить все с ног на голову. Сколько раз и с тобой, и со мной случалось что-то подобное. Ну и что, мы легко возвращаемся к прежним друзьям, в прежние пабы и прежнюю жизнь, и никто не замечает никаких перемен. Скорее всего, не замечает.

Чарли Николсон /1977–1979/

С Чарли мы познакомились в колледже; я изучал журналистику, она училась на дизайнера, и, увидев ее, я сразу понял, что она – та самая девушка, о встрече с которой я мечтал с тех самых пор, как только дорос до того, чтобы мечтать о встрече с девушкой. Чарли стригла свои светлые волосы под машинку (она говорила, что у нее есть знакомые, которые играли в театре Сент-Мартинс вместе с приятелями Джонни Роттена⁵, но так меня им и не представила), была высокая, вся из себя необыкновенная и волнующе-экзотичная. Даже ее имя звучало для меня волнующе-экзотично и необыкновенно, ведь до сих пор я жил в мире, где все девушки носили женские – то есть весьма заурядные – имена. Она много говорила и тем самым избавляла наше общение от невыносимых натужных пауз, сопровождавших едва ли не все мои свидания в выпускном классе. И о чем бы она ни заводила речь: о своем или о моем курсе, о музыке, фильмах, книжках или политике, – ее всегда было очень интересно слушать.

А еще я ей нравился. Я ей нравился! Ей нравился я! Я нравился ей! По крайней мере, так мне казалось. Мне так казалось... ну и так далее. Я никогда толком не понимал, что

⁵ Джонни Роттен – басист панк-группы Sex Pistols.

такого находят во мне женщины, но пылкость их точно подкупает (даже я знаю, как это нелегко – устоять перед тем, кто считает тебя неотразимым), а с Чарли я был исключительно пылок: до самого конца я не нагонял на нее тоску и не злоупотреблял ее расположением, пока вместе с расположением не пропала и возможность им злоупотреблять. Я был и покладист, и искренен, и заботлив, и предан ей всей душой и никогда не забывал о приятных мелочах, говорил, как она красива, и делал ей маленькие подарки, имевшие то или иное отношение к какому-нибудь из недавних наших разговоров. И все это ни в коем случае не через силу и никогда по расчету: держать в голове все, с ней связанное, было для меня проще простого, ведь ни о чем другом я тогда вообще не думал; я действительно считал ее жутко красивой и не мог бы, даже возникни у меня такое желание, заставить себя перестать делать ей маленькие подарки, симулировать же преданность мне и подавно не приходилось. Все с моей стороны было абсолютно органично. Так что, когда одна из подруг Чарли – ее звали Кейт – как-то за ланчем сказала со страстной тоской в голосе, как бы ей хотелось встретить кого-нибудь похожего на меня, я очень удивился и пришел в возбуждение. В возбуждение я пришел оттого, что Чарли слышала ее слова, и это меня ничуть не смутило, а удивился, поскольку совершенно неожиданно оказалось: того, что я делаю, собственно, ради самого же себя, уже достаточно, чтобы превратить меня в объект желания. Вот ведь как бывает.

Когда я перебрался в Лондон, мне, помимо всего прочего, стало гораздо легче нравиться девушкам. Дома слишком много народу знало меня, моих мать и отца... или же знало кого-нибудь, кто знал меня, моих мать и отца, когда я был еще совсем маленьким, и поэтому у меня постоянно возникало неуютное ощущение, что вся моя ребяческая подноготная выставлена на всеобщее обозрение. Ну как, скажите на милость, пригласить девушку в пока что запретный для вас обоим по малолетству паб, если у тебя дома в шкафу все еще висит скаутская форма? С чего вдруг тебя станет целовать девушка, которая знает (или знает кого-нибудь, кто знает), что всего несколько лет назад ты приставал к матери, чтобы она пришила тебе на куртку памятные эмблемы из походов на Норфолкские озера и в Эксмур? Дома у родителей было полно фотографий, на которых я, лопоухий и в кошмарных нарядах, восседал верхом на пластмассовом тракторе или восторженно хлопал в ладоши, глядя, как игрушечный паровозик прибывает на игрушечную станцию; и хотя потом подружки, к моему ужасу, находили эти снимки очаровательными, все равно это было как-то слишком уж близко и потому напрягало. За каких-то жалких шесть лет я из десятилетки превратился в шестнадцатилетку. Не правда ли, шесть лет – удивительно короткий срок для столь грандиозной метаморфозы? Да и та куртка с походными нашивками в шестнадцать лет была мне мала всего на пару размеров.

Короче говоря, Чарли не знала меня десятилетнего и не

знала никого, кто бы меня десятилетним знал; она узнала меня уже зрелым юношей. Ко времени знакомства с ней я был достаточно взрослым, чтоб иметь право голоса, достаточно взрослым, чтобы провести с ней ночь – всю ночь до утра в ее общежитской комнате, чтобы иметь обо всем свое собственное мнение, чтобы заказывать ей выпивку в пабе и при этом сознавать, что в кармане у меня водительские права с отпечатавшей в них датой рождения, которая сразу пресечет возможные сомнения бармена. И еще я был достаточно взрослым для того, чтобы иметь прошлое. Дома вместо прошлого я располагал лишь набором известных всем и, соответственно, никому уже не интересных сведений обо мне.

И тем не менее я чувствовал себя самозванцем вроде тех придурков, которые вдруг ни с того ни с сего бреют себе череп и начинают заливать, что они всю жизнь были панками, что они были панками еще тогда, когда вообще никто не знал, кто такие панки. Мне все казалось, что в любой момент меня могут вывести на чистую воду: вот в один прекрасный день ввалится в кафетерий колледжа некто и завопит, потрясая моим снимком в скаутской курточке: «Роб раньше был мальчиком! Махоньким таким парнишкой!», а Чарли увидит этот снимок и пошлет меня куда подальше. По тем временам мне и в голову не приходило, что дома у ее родителей в Сент-Олбансе тоже, скорее всего, где-то припрятаны дурацкие праздничные платица и кипы розовых девчачьих книжонок. В моем тогдашнем представлении она так и родилась

— с огромными сережками в ушах, в обтягивающих джинсах и с доступным лишь истинным ценителям поклонением перед творчеством персонажа, мажущего что ни попадя оранжевой краской.

За все два года, что продолжался наш роман, не было такой минуты, чтобы я не ощущал себя стоящим над пропастью на безумно узком карнизе. Я ни разу не позволил себе расслабиться... ну, ты понимаешь, что я имею в виду; на моем карнизе негде было присесть и дать отдых уставшим членам. Меня угнетала безликость моего гардероба. Я изводился мыслями о том, хороший ли из меня любовник. Я никак не мог понять, хотя она мне это тысячу раз объясняла, чем же все-таки ей мила оранжевая мазня ее любимца. Я вечно боялся, что никогда не смогу ни о чем сказать ничего такого, что показалось бы ей умным или забавным. Мне внушали трепет ее однокурсники-дизайнеры, и в конце концов я убедил себя, что рано или поздно она свалит с одним из них. Так она и сделала.

На какое-то время я потерял нить. Я не следил за побочными сюжетными линиями и сценарными ходами, не слышал саундтрека, прощелкал конец фильма и забыл про свой попкорн, не видел финальных титров и засветившейся надписи «ВЫХОД». Я околачивался вокруг общаги Чарли до тех пор, пока ее друзья не отловили меня и не пообещали хорошенько мне навешать. Я решил убить Марко (подумать

только – Марко!), того парня, к которому она ушла, и ночи напролет размышлял, как это лучше сделать, но, ненароком встречаясь с ним днем, всего лишь мямлил слова приветствия и старался поскорее слиять. Я принял смертельную дозу валиума и через минуту сунул два пальца в рот. Я писал ей бесконечные письма – некоторые даже отправил – и реплика за репликой восстанавливал бесконечные беседы, которых мы с ней никогда не вели. А очухавшись после двух месяцев крошечной тьмы, с удивлением обнаружил, что меня выперли из колледжа и теперь я тружусь в музыкальной коммисионке в Кэмдене⁶.

Все произошло как-то слишком быстро. Когда-то я надеялся, что буду взрослеть долго, постепенно набираясь впечатлений и опыта, но полностью уложился в те два года. Есть люди, которые так никогда и не оправились от шестидесятых, или от войны, или от того вечера в Anchor & Hope, когда их группа играла на разогреве у Doctor Feelgood, я же так никогда и не оправился от Чарли. И именно тогда в мою жизнь вошло нечто, очень многое определившее в моем нынешнем душевном складе.

Вот некоторые из любимых мною песен: «Only Love Can Break Your Heart» Нила Янга, «Last Night I Dreamed That Some Body Loved Me» The Smiths, «Call Me» Аветы Фран-

⁶ Кэмден – район богемы и легендарного рынка Кэмден-Лок, где торгуют ремесленными поделками, антиквариатом, звукозаписями, а также каналов, на берегах которых тусуются бездомные и наркопотребители.

клин, «I Don't Want To Talk About It», не важно чья. А ведь есть еще «Love Hurts» и «When Love Breaks Down» и «How Can You Mend A Broken Heart» и «The Speed Of the Sound Of Loneliness» и «She's Gone» и «I Just Don't Know What To Do With Myself»...⁷ Многие из этих песен я слушал в среднем раз в неделю (по триста раз в первый месяц после их выхода, а потом время от времени) и в шестнадцать лет, и в девятнадцать, и в двадцать один год. Ну и как после этого им было не оставить болезненных отметин в моей душе? И разве мог я, наслушавшись этого добра, не быть совершенно раздавленным первой несчастной любовью? Что чему предшествовало: музыка страданию или наоборот? Слушал ли я музыку потому, что страдал? Или же страдал, оттого что слушал музыку? Может, все эти пластинки и сделали меня меланхоликом?

Взрослых беспокоит, что маленькие дети играют в войну, а подростки смотрят на видео жестокие фильмы; мы опасаемся, что они воспримут как должное культ жестокости. Но почему-то никому не приходит в голову обеспокоиться тем, что дети непрерывно слушают песенки о разбитых серд-

⁷ В приблизительном (как и в случае со всеми другими песнями) переводе с английского, соответственно: «Лишь любовь разобьет твоё сердце», «Сегодня ночью мне снилось, что я любим», «Позови меня, позови», «Я не хочу об этом говорить», «Больно ранит любовь», «Когда любовь проходит», «Не склеить разбитое сердце», «Пронзительный звук одиночества», «Она ушла», «Что мне делать с собой, не знаю». Названия песен переводятся, только если они обыгрываются в тексте.

цах, отверженной любви, страданиях и муках утраты. Самые несчастные из моих знакомых – те, что больше всего на свете любят поп-музыку; я не уверен, сделала ли их такими музыка, но знаю наверняка: слезливые песенки они начали слушать задолго до первых обрушившихся на них несчастий.

Ну да ладно. Вот мой рецепт того, как не следует строить карьеру: 1) расстанься с подругой; 2) забей на колледж; 3) иди работать в музыкальный магазин; 4) проведи в музыкальных магазинах всю оставшуюся жизнь. Знаешь эти снимки отпечатавшихся в пепле жителей Помпеи? Забавно: вот ты перекусил и сел сыграть в кости, и готово – таким тебя и будут помнить люди ближайшие несколько тысяч лет. А что, если ты кидаешь кости впервые в жизни? Что, если тебе просто не хотелось обижать отказом своего друга Августа? Что, если как раз в этот момент ты завершил блестящее стихотворение или сделал еще что-нибудь замечательное? Разве приятно было бы тебе остаться в памяти человечества игроком в кости? Вот и я иной раз, глядя на свой магазин (ведь не сидел же я сиднем все эти четырнадцать лет! Лет десять тому назад я занял денег и открыл собственное дело!) и на его субботних завсегдатаев, отлично понимаю, как чувствовали бы себя обитатели Помпеи, обладай они способностью чувствовать (хотя вообще-то они нам теперь и интересны ровно потому, что этой способности лишились). Я застрял навсегда в этой ситуации – ситуации владельца магазина – из-за того,

что в далеком 1979 году у меня на несколько недель съехала крыша. Но с другой стороны, могло быть и хуже: а вдруг бы я поперся на призывной участок или устроился чернорабочим на ближайшую скотобойню? Этого не произошло, я примерил новую маску, и пошло-поехало с тех пор я так и вынужден шагать по жизни с этой устрашающей маской на физиономии.

В конце концов я перестал слать ей письма; еще через несколько месяцев и писать их перестал. Я по-прежнему строил планы расправы над Марко, но теперь он у меня умирал совсем быстро (мгновение на то, чтобы понять, кто перед ним, а потом сразу БАБАХ!), мне больше не хотелось мучить его, как это делают киношные маньяки. Я снова стал спать с девушками, но каждый очередной, скажем так, роман был для меня случайной кратковременной удачей, ни в коем случае не покушающейся на мое мрачно-подавленное самощущение. (Я даже придумал себе «свой женский тип» – по примеру Джеймса Стюарта из «Головокружения»⁸: сногшибательная, не лезущая за словом в карман, коротко стриженная блондинка с претензией на изысканность вкуса; с ним, этим самым типом, я попадал впросак не раз и не два.) Я стал меньше пить и на том же болезненном заводе бросил вслушиваться, о чем поют все эти группы. (Какое-то время любая песня, в которой кто-то уходит от кого-то, казалась мне чудовищным образом попадающей в точку. А поскольку поп-

⁸ «Головокружение» – 1958, режиссер А. Хичкок.

музыка практически вся целиком состоит из таких песен, я, работая в музыкальном магазине, более или менее всю дорогу чувствовал себя чудовищно уязвленным.) Я бросил сочинять убийственные остроты, от которых Чарли должна была бы корчиться на полу в пароксизме раскаяния и самоомерзения.

Но в то же самое время я был на все сто уверен: чем бы я ни занимался – работой ли, девушками ли – все это так, абы чем заняться. Я внушил себе, что Чарли может позвонить в любой момент и тогда мне надо будет живо со всем завязывать. Я даже колебался, заводить или нет собственный магазин: вдруг Чарли позовет с собой за границу, а у меня не получится достаточно быстро свернуть дела; готовность же вступить в брак, выплачивать кредит за купленный нами дом и стать отцом была само собой разумеющейся. И это при том что я отнюдь не утратил чувства реальности и по-прежнему был в курсе событий, в воображении пристально отслеживая ее жизнь, не упуская из виду фатальных перемен (Они с Марко поселились вместе! Они купили дом! У них была свадьба! Она беременна! Она родила ему дочку!), которые лишь требовали от меня известных усилий и умения приспособиться, питая одновременно мои оптимистические фантазии. (Ей некуда будет податься, когда они расстанутся! Ей ведь правда некуда будет податься, когда они расстанутся, и мне придется помогать ей деньгами! Мы поженимся, и у нее откроются глаза! Я, как родного, приму ее ребенка от

другого мужчины, и вот тогда-то она оценит величие моей души!) Какие бы сведения о Чарли и Марко до меня ни доходили, я все с легкостью укладывал в созданную мной схему; что бы они ни делали, все укрепляло меня в уверенности, что с ее стороны это только очередной шаг на пути воссоединения со мной. Насколько мне известно, они и по сей пору вместе, и я там ни при чем.

Сара Кендрю /1984–1986/

Из фиаско с Чарли я вынес один полезный урок: не замахивайся на то, что тебе не по плечу. В Чарли всего было слишком много для меня: слишком много красоты, слишком много живости ума и умения ранить. А я-то – ничем не выдающийся, так, середина на половину. Не самый блестящий экземпляр, но и не самый безнадежный. Я читал все эти книжки типа «Невыносимой легкости бытия» и «Любви во время холеры»⁹ и вроде бы понимаю, про что они (про девушек, или ты не согласна?); но не то чтобы они мне очень нравились. Первая пятерка моих любимых книг выглядит так: «Вечный сон» Раймонда Чандлера, «Красный дракон» Томаса Харриса, «Сладкие звуки соул» Питера Гуральника¹⁰, «Путеводитель по Галактике для путешествующих автостопом» Дугласа Адамса, ну, и не знаю... что-нибудь Уильяма Гибсона или Курта Воннегута. Я читаю Guardian и Observer, а еще New Musical Expresse и всякие глянцевые

⁹ «Невыносимая легкость бытия» – роман чешского писателя Милана Кундеры (1984), «Любовь во время холеры» – роман колумбийца Габриэля Гарсиа Маркеса (1985).

¹⁰ «Красный дракон» – первая часть трилогии, в которую также входят «Молчание ягнят» и «Ганнибал»; Питер Гуральник – известный американский музыкальный критик и историк поп-музыки.

журналы про музыку; я не прочь иной раз отправиться в Кэмден, чтобы посмотреть европейский фильм с субтитрами (первая пятерка моих любимых европейских фильмов: «37,2 утром», «Подземка», «Свяжи меня!», «Исчезновение», «Дива»¹¹), хотя в общем-то предпочитаю американское кино. (Первая пятерка лучших американских – а значит, и лучших за всю историю кинематографа – фильмов: «Крестный отец», «Крестный отец-2», «Таксист», «Хорошие ребята» и «Бешеные псы»¹².)

Я неплохо выгляжу. Если на одном конце шкалы мужской привлекательности поместить, скажем, Мела Гибсона, а на другом – Берки Эдмондса из нашей школы, чье выдающееся уродство стало притчей во языцех, я уж точно окажусь ближе к Мелу. Одна подруга как-то сказала, что я слегка похож на Питера Гэбриела, а он ведь ничего себе. Я среднего роста, не тощий и не толстый, на лице у меня нет дурацкой растительности, я слежу за собой, ношу джинсы, футболки и кожаную куртку и в этом более или менее постоянен, разве что летом куртку не надеваю. Я голосую за лейбористов. У меня уйма кассет с классическими телекомедиями: «Монти

¹¹ «37,2 утром» – 1986, режиссер Ж.-Ж. Беннекс; «Подземка» – 1985, Л. Бесон; «Свяжи меня!» – 1990, П. Альмодовар; «Исчезновение» – 1983, Г. Слейзер; «Дива» – 1981, Ж.-Ж. Беннекс.

¹² «Крестный отец», «Крестный отец-2» – 1972 и 1974, режиссер Ф. Ф. Коппола; «Таксист» – 1976, М. Скорсезе; «Хорошие ребята» – 1990, М. Скорсезе; «Бешеные псы» – 1962, К. Тарантино.

Пайтон», «Фолти-Тауэрз», «Будем здоровы!»¹³ и так далее. К феминисткам, кроме самых радикальных, я в общем и целом отношусь с пониманием.

Моя гениальность, если это слово здесь уместно, состоит в умении поместить кучу заурядных качеств в одну компактную упаковку. Хотелось бы мне сказать, что таких, как я, миллионы, но это неправда: у многих безупречный музыкальный вкус, но они не читают книжек; многие читают книжки, но при этом страдают ожирением; многие симпатизируют феминисткам, но носят идиотские бороды; у многих чувство юмора, как у Вуди Аллена, но и внешность в него же. Одни слишком много пьют, другие полоумеют, сев за руль, или любят подраться, или кичатся деньгами, или употребляют наркотики. Я же ничего такого не делаю: то есть, если я и нравлюсь иногда женщинам, это не из-за присущих мне достоинств, а благодаря тем недостаткам, коих я лишен.

Но даже и так, все равно полезно научиться правильно оценивать свои силы. Чарли была мне не по силам; после нее я твердо решил ни на что похожее не замахиваться и целых пять лет, пока не встретил Сару, так и телепался на мелкоте. Мы с Чарли не подходили друг другу. Марко с Чарли друг другу подходили; мы с Сарой – тоже. Сара была в меру привлекательной (маленькая, худенькая, с большими красивы-

¹³ «Монти Пайтон» – английская комедийная группа, в 1970-х годах снявшая без малого полсотни телешоу; «Фолти-Тауэрз» – английский сериал (1975–1979); «Будем здоровы!» – американский сериал (1982–1993), все события происходят в одноименном баре.

ми карими глазами, неровными зубками и темными волосами до плеч – ее все время хотелось отправить в парикмахерскую независимо от того, когда она туда в последний раз ходила) и одевалась более или менее так же, как и я. В пятерку ее любимых исполнителей входили Madness, Eurythmics, Боб Дилан, Джони Митчелл и Боб Марли, а в пятерку любимых фильмов – «Национальный приз», «Дива» (привет!), «Ганди», «Пропавший без вести», «Грозовой перевал»¹⁴.

Она была печальной: за пару лет до встречи со мной ее бросил мужской аналог Чарли, парень, которого звали Майкл и который намеревался сделать карьеру на Би-би-си. (Этот идиот никакой карьеры так и не сделал, и каждый день, не видя его по телевизору и не слыша по радио, мы с ней радовались в глубине души.) Она сломалась на нем, как я сломался на Чарли, и, расставшись с ним, на некоторое время зареклась иметь дело с мужчинами точно так же, как я зарекся иметь дело с женщинами. Ввиду этого вполне разумным было бы попытаться держать зарок совместными силами, объединить нашу ненависть к противоположному полу, а заодно и начать делить постель. Покинутые возлюбленными, мы оба боялись до конца наших дней остаться в одиночестве. Только обладатели вполне определенного душевного склада в двадцать шесть лет боятся до конца своих дней

¹⁴ «Национальный приз» – 1944, режиссер К. Браун; «Ганди» – 1981, режиссер Р. Аттенборо; «Пропавший без вести» – 1981, режиссер Коста Таврас; «Грозовой перевал» – 1939, режиссер У. Уайлер.

остаться в одиночестве; мы оба обладали именно таким душевным складом. Мы казались себе гораздо старше, чем были на самом деле, и вот через пару месяцев после нашего знакомства она переехала жить ко мне.

Моя квартира была для нас слишком просторной. Не в том смысле, что мы с Сарой не имели вещей: у нее была уйма книг (она преподавала язык и литературу), у меня – сотни кассет и пластинок, да и сама по себе квартира была совсем небольшой и весьма захлавленной; я жил в ней больше десяти лет и частенько чувствовал себя мультяшной собачкой в рисованной конуре. Нам было слишком просторно оттого, что оба мы такие тихие и спокойные и, оставаясь вдвоем – я это очень явственно ощущал – занимаем ровно столько места, сколько приходится на наши тела. В отличие от многих других пар, мы не умели наполнять собой окружающее нас пространство.

Время от времени мы пытались делать это – в обществе людей еще более тихих; мы с ней никогда не обсуждали, почему вдруг в какой-то момент оба становимся шумными и возбужденными, но я уверен, она тоже всегда замечала, когда это происходило. Мы как бы отыгрывались за то, что настоящая жизнь протекает в стороне от нас, что где-то там Майкл и Чарли проводят время намного толковее и интереснее в гораздо более блестящей компании; поднимая шум, мы словно делали дерзкий выпад, сделать который было совершенно необходимо, хотя он абсолютно ничего и не менял.

(Ты сама наверняка не раз видала, как молодые представители среднего класса, замечающие понемногу, что жизнь не оправдывает связанные с ней ожидания, бузят в ресторане, клубе или баре: мол, посмотрите на меня! Я совсем не такой зануда, как вы могли бы подумать! Кто-кто, а уж я-то умею оттянуться! Лично мне их жалко. Сам я, к счастью, научился угрюмо отсиживаться дома.) Наш с Сарой союз, как и любой брак по расчету, был циничным и взаимовыгодным; я даже всерьез думал, что смогу прожить с нею всю жизнь. А что, я б не возражал. С ней все было нормально.

Помню хохму из какого-то сериала – из «Мужчины в доме» или чего-то в том же роде – хохму довольно бездарную. Там один тип пригласил поужинать жуткую дурнушку, толстую и в очках, подпоил, привез к себе домой, ну и давай приставать. «Я не такая!» – заверещала девица. Парень обалдело уставился на нее. «Но ты... *ты* не можешь быть не такой», – выдавил он наконец. Я посмеялся над этой хохмой в шестнадцать лет и ни разу больше о ней не вспоминал – до тех пор, пока Сара не сообщила, что встретила другого. «Но ты... *ты* не можешь встретить другого!» – чуть не выпалил я. И дело не в том, что Сара была такой уж непривлекательной – она была вполне привлекательной; в конце концов, приглянулась же она тому, другому парню. Дело в том, что ее встреча с ним грубо противоречила самой основе наших отношений. Меня и Сару по-настоящему связывало только то (общая любовь к «Диве», которая сближала нас первые

несколько месяцев, не в счет), что нас обоих бросили, что мы оба были страстными противниками бросания кого бы то ни было. Ну и как после этого она могла бросить меня?

Да, я, конечно, слишком расслабился. Ведь если ты не без удовольствия проводишь время с некой девушкой, тебе непременно грозит опасность ее потерять (разве что из-за параноидального страха потери ты завел себе такую, что приплатишь – не потеряется, такую, что никто на нее в жизни не позарится). Тут остается либо с этими делами завязывать, либо быть готовым к тому, что в один прекрасный момент появится субъект по имени Марко или, скажем, как в нашем с Сарой случае, Том, и очень тебя расстроит. Однако в то время случившееся представлялось мне в другом свете – тогда я видел лишь, что не помогло даже сознательное снижение планки, и это дало мне серьезную причину пострадать и пожалеть себя.

Ну а потом я встретил тебя, Лора, и мы стали жить вместе, а теперь ты от меня съехала. Но знаешь, для меня в этом не было абсолютно ничего нового; если хочешь пробиться в мою первую пятерку, придумай что-нибудь покруче. Я уже не такой ранимый, каким был, когда от меня уходили Элисон и Чарли; ты не заставила меня переменить весь распорядок повседневной жизни, как это сделала Джеки; в отличие от Пенни ты не внушила мне неприязни к самому себе (а уж унижить меня, как унизил Крис Томсон, тебе и подавно не под силу), и, кроме того, со времени расставания с Сарой я

стал мыслить намного трезвее: теперь я точно знаю – несмотря на уныние и сомнения в себе, которые, когда тебя бросили, обязательно поднимаются откуда-то из глубины души, – ты не была моим последним и самым блестящим шансом. Так, не худшая попытка. Как говорится, близко, но не в яблочко. Пока, до встречи.

Теперь...

1

Рано утром в понедельник Лора уходит – с портпледом и сумкой в руках. Многое понимаешь, видя, как мало берет с собой эта женщина, которая так любит свои вещи, свои чайнички и свои книги, свои картинки и привезенную из Индии статуэтку. Я смотрю на ее сумку и думаю: «Господи, вот до чего она не хочет жить со мной».

Мы обнимаемся у порога, у нее на глазах слезы.

– Сама не понимаю, что делаю, – говорит она.

– Естественно, – соглашаюсь я как бы в шутку, но как бы и всерьез. – Чего тебе куда-то ехать? Пока то да се, можешь у меня пожить.

– Спасибо. Раз уж решилась, надо уходить. И потом, ты же понимаешь, мне...

– В таком случае оставайся на ночь.

Она хмурится в ответ и тянется к дверной ручке.

На пороге начинается сутолока. У нее заняты руки, но она все равно пытается открыть дверь, и у нее ничего не получается, поэтому я открываю сам, но при этом загораживаю дорогу и, чтобы пропустить ее, выхожу на площадку, а ей, поскольку у меня с собой нет ключа, приходится придержи-

вать дверь, пока я протискиваюсь обратно и оказываюсь в квартире прежде, чем дверь захлопывается у нее за спиной. Ну вот и все.

Вынужден признать, что тут через кончики пальцев на ногах в меня проникает великолепное ощущение – отчасти свободы, отчасти нервного возбуждения – и мощной волной поднимается вверх. Это ощущение меня уже не раз посещало, и я знаю: оно почти ничего не означает – например, странным образом не означает, что следующие несколько недель я буду нечеловечески счастлив. Но я знаю также, что от него не стоит отмахиваться, что им надо наслаждаться, покуда оно не прошло.

Вот как я праздную возвращение в холостяцкое царство: сажусь в свое кресло, которое отсюда у меня никуда не денется, и выковыриваю из подлокотника несколько кусочков набивки; хотя еще рано и курить совсем не хочется, зажигаю сигарету – просто потому, что теперь волен курить в квартире когда заблагорассудится и никто не станет меня шпынять; задумываюсь, знаком ли я уже со следующей своей подругой, или ею окажется особа, пока что еще мне неизвестная; размышляю о том, как она выглядит, о том, будем ли мы заниматься любовью здесь или в ее квартире, о том, на что похожа ее квартира; неплохо бы, приходит мне в голову, нарисовать на стене гостиной логотип: Chess Records. (Я знал один магазин в Кэмдене, там по кирпичам у входа по трафарету были выведены логотипы всей компашки – Chess, Stuck,

Motown, Trojan¹⁵ – и смотрелись отлично. Может, получится разыскать парня, который их изобразил, и попросить его нарисовать мне такие же, только поменьше.) Я чувствую себя хорошо. Я чувствую себя прекрасно. Я иду на работу.

Мой магазин называется Championship Vinyl. В нем продаются панк, блюз, соул и ритм-энд-блюз, немного ска, кое-что из альтернативы, кое-что из шестидесятых – короче, все, представляющее интерес для серьезного коллекционера, как о том уведомляет прохожих стебно-старомодное объявление в витрине. Магазин расположен на тихой улочке в Холлоуэе¹⁶ так, чтобы привлекать внимание по возможности меньшего числа случайных покупателей. Заходить к нам есть смысл только тем, кто живет по соседству, но окрестных жителей явно не безумно интересуют мой пробный оттиск Stiff Little Fingers (двадцать пять фунтов – в восемьдесят шестом я за него отдал семнадцать) или моноверсия дилановского «Blonde on Blonde».

Концы с концами мне помогают сводить целеустремленные субботные покупатели – это всегда обязательно молодые люди в ленноновских очочках, кожаных куртках, с грудями пластиковых пакетов в руках – и торговля по почте: я пе-

¹⁵ Chess Records, Stuck Records, Motown Records, Trojan Re-cords – независимые звукозаписывающие компании, ориентирующиеся на качественную некоммерческую музыку.

¹⁶ Холлоуэй – довольно бедный район в северной части Лондона, постепенно заселяемый иммигрантами.

читаю объявления на последних страницах иллюстрированных рок-журналов и получаю письма с заказами от молодых людей – это всегда обязательно молодые люди – которые у себя в Манчестере, Глазго или Оттаве тратят ни с чем не сообразную пропасть времени на поиск не пошедших в тираж синглов The Smiths и «ОРИГИНАЛЬНЫХ, НЕ ПЕРЕИЗДАННЫХ» (это подчеркнуто) альбомов Фрэнка Заппы. Все они либо уже двинулись рассудком, либо не сегодня-завтра двинутся.

Я опаздываю и застаю у магазина Дика – он стоит, подпирая дверь, и читает книжку. Этому обладателю длинных, невымытых патл тридцать один год; он носит майку с Sonic Youth и черную кожаную куртку, которая, хотя он и купил ее всего с год назад, мужественно притворяется знававшей лучшие времена; при Дике его неизменный плеер с несуразно громадными наушниками – за ними не видно не только ушей, но и половины физиономии. Читает он биографию Лу Рида в бумажной обложке. Пластиковый пакет у его ног – действительно честно знававший лучшие времена – рекламирует безумно модный американский звукозаписывающий лейбл из независимых; Дику стоило больших трудов раздобыть этот пакет, и поэтому он жутко дергается, если кто-то из нас оказывается в опасной близости от его сокровища. В пакете он носит кассеты; переслушав почти всю музыку из ассортимента магазина, он притаскивает на работу новые записи – одолженные у приятелей, заказанные по почте бутле-

ги, – чтобы не тратить времени на прослушивание уже слышанного. («Пошли в паб, перекусим», – пару раз в неделю предлагаем ему мы с Барри. Он тоскливо смотрит на стопку кассет и отвечает со вздохом: «Я бы с радостью, но мне еще это все прокрутить надо».)

– Доброе утро, Ричард.

Он неуклюже хватается за наушники – один зацепляется за ухо, другой наезжает на глаз.

– Ой, привет. Привет, Роб.

– Извини, я опоздал.

– Да чего там.

– Отдохнул на выходных?

Пока я отпираю магазин, он торопливо подбирает свое добро.

– Да, отлично. Нашел в Кэмдене первый альбом The Licorice Comets. У нас не выходил. Только в Японии.

– Здорово. – Я понятия не имею, о чем это он.

– Я тебе его перепишу.

– Спасибо.

– Ты говорил, тебе вторая их пластинка нравится. «Pop, Girls, Etc.»¹⁷. Которая с Хэтти Джакс на конверте. Хотя конверта-то ты не видел. Это я тебе кассету записал.

Верю, он записал для меня The Licorice Comets, и я наверняка сказал, что они мне понравились. У меня вся квартира завалена записанными Диком кассетами. Большинство

¹⁷ «Музыка, девочки и т. д.».

из них я ни разу не ставил.

– А ты сам как? В смысле выходные. Нормально? Не очень?

Трудно представить, как продолжилась бы наша беседа, расскажи я Дику про свои выходные. Узнав, что Лора ушла, он бы, наверное, просто провалился сквозь землю. Такие рассказы вообще не по его части; если б мне вдруг вздумалось сообщить ему сведения хотя бы отдаленно личного свойства – что у меня есть отец и мать или, например, что в детстве я ходил в школу, – думаю, он бы залился краской и спросил, заикаясь, слышал ли я последний диск The Lemonheads.

– Да ни то ни се. Серединка на половинку. – Он кивнул – значит, я нашел верные слова.

В магазине пахнет застоявшимся табачным дымом, сыростью и целлофаном конвертов. Само помещение узкое, невзрачное, грязное и тесное: отчасти потому, что этого мне и хотелось – именно так должны выглядеть магазины пластинок, и только фанатам Филя Коллинза милее просторные и вылизанные, как мебельный салон, – отчасти потому, что у меня никак не дойдут руки убрать или переоборудовать его.

Посредине два ряда стоек с пластинками, да еще пара стоек в витрине, застекленные ящички с кассетами и компакт-дисками на стенах – вот, собственно, и все пространство. Его нам более или менее хватает, когда нет покупателей, то есть

большую часть дня. Подсобка просторнее торгового зала, но она у нас практически пустует – так, пылятся несколько стопок подержанных пластинок, на которые никто никак не удосужится прилепить ценники. В подсобке мы обычно просто тусуемся. Если честно, эта дыра мне осточертела. Иной раз кажется, что еще немного, и я сорву подвешенного под потолком картонного Элвиса Костелло, вышвырну на улицу «Исполнителей кантри А – К» и пойду работать в Virgin Megastore¹⁸, а сюда уже больше никогда не вернусь.

Дик ставит пластинку, что-то калифорнийско-психоделическое, и варит кофе, а я тем временем просматриваю почту; потом мы с ним пьем кофе; потом он пытается приладить на стойку несколько пластинок, а я упаковываю заказы; потом я просматриваю кроссворд в Guardian, пока он читает американский рок-журнал; потом он просматривает кроссворд в Guardian, и теперь уже я читаю американский журнал. Ну вот и моя очередь варить кофе.

Около половины двенадцатого в магазин вваливается алкаш-ирландец по имени Джонни. Он исправно навещает нас раза три в неделю; ни у меня, ни у него не возникает ни малейшего желания менять давно известные сценарий и хореографию этих визитов. Во враждебном и непредсказуемом мире нам с ним есть на кого положиться.

– Джонни, пошел вон, – говорю я.

– Тебе что, мои деньги нехороши? – отвечает он.

¹⁸ Virgin Megastore – гигантский музыкальный магазин на Оксфорд-стрит.

– Денег у тебя нет. А у нас нет ничего, что тебе бы захотелось купить.

Эта реплика служит ему сигналом вдохновенно заголо-
сить «All Kinds of Everything»¹⁹ обожаемой его соотечествен-
никами Дейны²⁰, что мне служит сигналом выйти из-за при-
лавки и потащить его к выходу, что ему служит сигналом
уцепиться за стойку с пластинками, что мне служит сигна-
лом, одной рукой распахнув дверь, а другой, разжав его хват-
ку, вытолкнуть Джонни на улицу. Эти телодвижения были
впервые исполнены нами года два назад, так что теперь мы
отрабатываем их на «отлично».

Джонни – единственный клиент, обслуженный мной до
обеда. Моя работа не для обладателей больших амбиций.

Барри появляется только после обеда, что в порядке ве-
щей. Дика с Барри я нанимал на полставки, предполагая, что
каждый будет работать по три дня в неделю, но вскоре оба
начали приходить каждый день, в том числе и по субботам. Я
растерялся, не зная, как к этому отнестись: если им вправду
было некуда больше пойти и нечем больше заняться, не сто-
ило заострять на этом внимание, чтобы, не дай бог, не вы-
звать у людей душевного кризиса. В итоге я решил немного

¹⁹ «Все, что вижу вокруг», далее по тексту: «...напоминает мне о тебе».

²⁰ Дейна – двадцатилетняя ирландка Дейна Розмари Скаллон, совершенно
неожиданно победила на «Евровидении-70» с песней «All Kinds of Everything»
и сразу же стала кумиром Ирландии. Впоследствии – католический деятель, де-
путат Европарламента и т. д.

повысить им зарплату и оставить все как есть. Барри счел прибавку знаком вдвое сократить проводимые на работе часы, и больше я ему зарплату не повышал. Это было четыре года назад, но он ничего, молчит.

Барри входит, напевая гитарное соло группы The Clash. Хотя «напевая» в данном случае неправильное слово – он изображает гитару, как это обычно делают маленькие дети: вывернув сжатые губы и стиснув зубы, издает что-то вроде «ДУ-ДУ-ДУ!». От роду Барри тридцать три года.

– Как дела? Эй, Дик, чего это у тебя за музон? Какой-то вонючий. – Он корчит рожу и зажимает нос. – Ф-ф-у-у!

Барри настолько зашугал Дика, что в его присутствии Дик редко раскрывает рот. Я вмешиваюсь, только когда Барри становится совсем уж агрессивным, а теперь молча смотрю, как Дик тянется к стоящей на полке над прилавком системе и выключает ее.

– Охренительно тебе благодарен. Дик, ты как ребенок, ей-богу. За тобой глаз да глаз нужен. Вообще не понимаю, с какой стати я должен с тобой нянчиться. А ты, Роб, чего не следишь, что он ставит? Ты разве не для этого здесь сидишь?

Его речь льется с неослабевающим напором, и более или менее постоянно он несет всякую чушь. Он много говорит о музыке и еще больше о книгах (о Терри Пратчетте и других, лишь бы писали про монстров, далекие планеты и тому подобное), а кроме того, о кино и женщинах. Цитируя The Licorice Comets – музыка, девочки и т. д. Но все им сказан-

ное сводится к голому перечислению: посмотрев хороший фильм, Барри не станет пересказывать сюжет или делиться впечатлениями; вместо этого он определит его место среди фильмов, виденных им за последний год, за всю жизнь или за десять лет. Он мыслит и изъясняется десятками и пятерками, чем в конце концов сумел заразить меня и Дика. Он то и дело пристаёт к нам: «Давайте, ребята, пять лучших фильмов с Дастином Хоффманом». Или лучших гитарных соло, лучших записей, сделанных слепыми музыкантами, лучших сериалов Джерри и Сильвии Андерсон²¹ («Нет, Дик, ты соображаешь, что говоришь? Поставить на первое место „Капитана Скарлета“! Он же бессмертный! Что за кайф?»), лучших сладостей, продающихся в стеклянных банках («Если у кого-то в первой пятерке окажется ревень с заварным кремом, я прямо сейчас от вас уйду»).

Барри извлекает из кармана кожаной куртки кассету, ставит ее и врубает систему на полную громкость. Через несколько секунд магазин уже содрогается от мощных басов – Katrina & The Waves исполняют «Walking on Sunshine»²². На дворе февраль. Холодно. Слякоть. Лора ушла. Ну не подходит эта песенка к моему настроению.

– Выключи. – Мне приходится орать, как капитану в

²¹ Джерри Андерсон – английский продюсер и режиссер, снимал в основном научно-фантастические телебоевики; во многих из них, в том числе и в «Капитане Скарлете против Мистерионов» (1966), играла его жена Сильвия.

²² «Я гуляю в солнечном свете».

шторм.

– Громче не получится.

– Я не говорил «громче», баран. Я сказал «выключи».

Он смеется и топает в подсобку, во весь голос подпевая духовым: «Ду! Ду! Ду-ду-ду-ду-ду-ду ду-ду-ду-ду».

Я сам выключаю систему, и Барри тут же появляется обратно:

– Ты чего делаешь?

– Я не хочу слушать «Walking on Sunshine».

– Это моя новая кассета. Я ее вчера вечером специально записал, чтобы слушать по утрам в понедельник.

– По-твоему, сейчас утро, да? Вставать надо раньше.

– То есть типа того, утром бы ты мне ее дал послушать?

– Нет. Но тогда у меня не было бы на это уважительной причины.

– Тебе что, не хочется взбодриться? Пустить немного тепла по своим престарелым членам?

– Не-а.

– Так что прикажешь ставить, пока ты не в духе?

– Не знаю. Во всяком случае, не «Walking on Sunshine».

– Хорошо, я промотаю.

– И что следующее?

– «Little Latin Lupe Lu».²³

Я застонал.

– Митч Райдер и Detroit Wheels? – спрашивает Дик.

²³ «Малышка-латиноамериканка Лупе Лу»

– The Righteous Brothers, – произносит Барри как-то настороженно. Он явно никогда не слышал этой вещи в исполнении Митча Райдера.

– А, ладно. – Дик в жизни не отважился бы сказать Барри, что тот лажанулся, но сейчас все понятно без слов.

– Чего-чего? – ошетинивается Барри.

– Ничего.

– Нет уж, продолжай. Так чем тебе не нравятся The Righteous Brothers?

– Я этого не говорил. Просто мне больше нравится другое исполнение.

– Ерунду несешь.

– У него всего лишь другие музыкальные предпочтения, – вставляю я.

– Гнилые у него предпочтения.

Дик с улыбкой пожимает плечами.

– Я не понял, над кем этот прыщ лыбится?

– Отстань от него. Все нормально. «Little Latin Lupe Lu» мы все равно слушать не будем, так что можешь расслабиться.

– С каких это пор в магазине установился фашистский режим?

– С того самого момента, когда ты припер сюда свою дурацкую кассету.

– Я хотел только, чтоб нам всем было повеселее. Больше ничего. Извините. Сейчас пойду поставлю какое-нибудь

тоскливое старье. Мне, собственно, плевать.

– Тоскливого старья тоже не надо. Поставь что-нибудь, на что я мог бы не обращать внимания.

– Забавно работать в музыкальном магазине, да? Вечно крутишь музыку, которую в жизни бы не слушал. Я-то думал, моя кассета даст нам тему для разговора. Собирался спросить, что бы у вас попало в первую пятерку альбомов, хорошо идущих в дождливое утро понедельника, а вы так меня обломали.

– Обсудим это в следующий понедельник.

– А что толку?

И так далее, и все в том же роде – похоже, до конца моей трудовой жизни. По мне, так надо составить первую пятерку альбомов, слушая которые не чувствуешь абсолютно ничего; я был бы благодарен Дику с Барри, если бы они мне в этом помогли. Придя домой, я поставлю The Beatles. Скорее всего, «Abby Road», но запрограммирую проигрыватель так, чтобы пропустить «Something». The Beatles – это вкладыши от жвачки, «Хелп!» на утреннем субботнем сеансе, игрушечные пластмассовые гитары и «Yellow Submarine», которую я орал во весь голос на заднем сиденье автобуса во время школьных экскурсий. Они – мои, а не наши с Лорой, не наши с Чарли, не наши с Элисон Эшворт. Слушая их, я что-то, конечно, почувствую, но хуже от них точно не станет.

Мне делалось слегка не по себе при мысли о вечернем возвращении домой, но нет, ничего: посетившее меня утром хрупкое ощущение, что все хорошо, никуда не девалось. Да и ее вещи не вечно же будут валяться по всей квартире. Скоро она все заберет – и недочитанного Джулиана Барнса²⁴ с прикроватного столика, и свои трусики из корзины с грязным бельем – и тогда ее дух исчезнет отсюда без следа. (Женские трусики, стоило начать делить кров с их обладательницами, стали для меня источником ужасающего разочарования. До конца оправиться от этого потрясения я так никогда и не смог. Подумать только, они прямо как мы: прибегают лучшие пары для тех случаев, когда предполагают с кем-то переспать. Поселившись с женщиной, вдруг обнаруживаешь, что по всему дому на батареях развешаны застиранные, неаппетитные и бесформенные лоскутки из Marks & Spencer; сладострастные подростковые мечты о взрослой жизни посередь безбрежного моря роскошного белья рассыпаются в прах.)

Я устранию следы терзаний вчерашнего вечера – убираю брошенное на диване одеяло, шарики бумажных носовых платков и кофейные кружки с плавающими в простылой

²⁴ Джулиан Барнс (р. 1946) – английский писатель, лауреат Букеровской премии.

маслянистой гуще бычками – а потом ставлю The Beatles; прослушав «Abby Road» и начало «Revolver», я откупориваю бутылку белого вина – ее на той неделе принесла Лора – и усаживаюсь смотреть записанные на видак выжимки из сериала «Бруксайд»²⁵.

Наподобие того как у монашек рано или поздно синхронизируются месячные, наши с Лорой мамыши каким-то мистическим образом синхронизировали свои еженедельные звонки.

Моя звонит первой:

– Здравствуй, любовь моя. Это я.

– Привет.

– Все в порядке?

– Вроде того.

– Как прошла неделя?

– Да обычно.

– Как дела в магазине?

– По-разному. То пусто, то густо.

Хотел бы я, чтоб так оно и было. «То пусто, то густо» означает, что дни выдаются разные – когда покупателей больше, а когда меньше. Но, положи руку на сердце, это же неправда.

– Нас с твоим отцом очень беспокоит нынешний экономический спад.

²⁵ «Бруксайд» – английский телесериал об обитателях тихой ливерпульской улочки, выходил с 1982 по 2003 год.

– Да, ты говорила.

– Тебе очень повезло, что у Лоры все в порядке. Если бы не она, никто из нас, думаю, не мог бы спать спокойно.

Мама, Лора ушла. Она бросила меня на съедение волкам. Эта сука свалила и теперь... Нет. Не могу. Сейчас не самый подходящий момент для печальных известий.

– Видят небеса, она зарабатывает себе на кусок хлеба и может не думать о лавчонке, торгующей никому не нужными грампластинками с музыкой поп...

Ну как описать человека, родившегося до 1940 года, в момент произнесения им слова «поп»? Я уже двадцать лет слушаю, как мои родители презрительно выплевывают это односложное слово, вытянув шею и скорчив идиотскую физиономию, ведь известно же, что любители этой музыки все поголовно идиоты.

– ...Даже странно, почему она не заставит тебя продать магазин и найти достойную работу. Чудо еще, что она до сих пор с тобой возится. На ее месте я бы давно уже плюнула и предоставила тебя самому себе.

Спокойно, Роб. Не обращай внимания. Не горячись. Не...
Да ну, к черту!

– Она и предоставила меня самому себе, так что радуйся.

– Куда она ушла?

– Кто ее знает. Просто ушла. Съехала. Исчезла.

На том конце провода долгое молчание. Такое долгое, что я успеваю от начала до конца проследить за перебранкой

между Джимми и Джеки Коркхилл²⁶, и за все это время в трубке раздается лишь один страдальческий вздох.

– Эй, есть там кто?

Теперь я слышу – моя мать тихонько рыдает. Что ты с ней будешь делать? Повзрослев, все понимают, что чем дальше, тем больше будет забот с человеком, который поначалу заботился о тебе, ибо так устроена жизнь; но мы с мамой поменялись ролями, когда мне еще и десяти не исполнилось. Все неприятности, случавшиеся со мной за последние двадцать лет: приводы в полицейский участок, плохие отметки на экзаменах, разбитая физиономия, исключение из колледжа, расставания с подружками, – имели один и тот же результат: мама, я это прекрасно видел либо же слышал, очень расстраивалась. Нам обоим было бы куда лучше, если б в пятнадцать лет я уехал в Австралию и, раз в неделю звоня оттуда, вешал ей на уши лапшу о своих замечательных успехах. Для большинства пятнадцатилетних самостоятельная жизнь на другом конце света без денег, друзей, семьи, работы и профессии оказалась бы тяжким испытанием. Для большинства, но не для меня. Все это сущая фигня в сравнении с необходимостью еженедельно выслушивать ее страдания.

Как-то это... нечестно, что ли? Да, нечестно. Нечестно с самого начала. С тех пор как я стал жить сам по себе, она только и делает, что ноет, выражает беспокойство и шлет мне

²⁶ Джимми и Джеки Коркхилл – персонажи телесериала «Бруксайд».

вырезки из местных газет, сообщающих о пустяковых достижениях моих бывших одноклассников. И это называется родительской заботой? По мне, так нет. Я хочу сочувствия, понимания, доброго совета и денег (необязательно именно в такой последовательности), но ей этого в голову не приходит.

– Со мной все в порядке, если тебя это беспокоит.

Я знаю, что ее беспокоит не это.

– Ты же знаешь, меня беспокоит не это.

– Мам, все к лучшему. Разве нет? Послушай, меня только что бросила женщина. Мне сейчас несладко. (Однако и не то чтобы слишком горько: The Beatles, полбутылки «Шардонне» и «Бруксайд» сделали свое дело. Но ей я об этом не скажу.) Мне себя самого трудновато понять, а тебя и подавно.

– Я знала, что это случится.

– Если знала, чего ж теперь разоряться?

– Роб, что ты будешь делать?

– Посижу перед ящиком, допью вино. Потом лягу спать. Потом встану и пойду на работу.

– А дальше?

– Познакомлюсь с симпатичной девушкой и заведу детей. – Я нашел верные слова.

– Не так это просто.

– У меня получится, обещаю. В следующий раз, когда ты позвонишь, все будет в ажуре.

Она готова улыбнуться. Я слышу. В конце длинного и темного телефонного туннеля замаячил свет.

– А Лора-то что говорит? Ты понимаешь, почему она ушла?

– Не вполне.

– А я понимаю.

На какой-то момент я напрягаюсь, но почти сразу соображаю, куда она клонит.

– Женитьба тут ни при чем, если ты это имеешь в виду.

– Это ты так говоришь. Хотелось бы выслушать и ее мнение.

Спокойно... Не обращай внимания. Не горячись... Да ну, к черту!

– Мама, ну сколько можно, Христа ради! Лора никогда не хотела за меня замуж. Она, как говорится, не из тех. Дело совсем в другом.

– Хорошо, я не знаю, в чем дело. Но вот только ты вечно встретишь кого-нибудь, вы поживете вместе, и она уходит. Встретишь кого-нибудь, вы поживете вместе, и она уходит...

Чертовски справедливое замечание.

– Мам, заткнись.

Миссис Лайдон звонит через несколько минут:

– Здравствуй, Роб. Это Джэнет.

– Здравствуйте, миссис Лайдон.

– Как дела?

– Нормально. А у вас?

– Спасибо, все в порядке.

– Как Кен?

С Лориным отцом не все слава богу – из-за больного сердца ему пришлось раньше времени уйти на пенсию.

– Да так, более-менее. Когда лучше, когда хуже. Скажи, а Лора дома?

Любопытно: она не позвонила родителям. Уж не в чувстве ли вины дело?

– Увы, нет. Она пошла к Лиз. Передать, чтобы позвонила?

– Да, если вернется не слишком поздно.

– Нет проблем.

Это, вероятно, последний наш с ней разговор. «Нет проблем» – последние слова, сказанные мной человеку, с которым, пока наши пути не разошлись, я был в известной степени близок. Каково! Ты встречаешь у кого-то дома Рождество, переживаешь, когда кто-то ложится на операцию, обнимаешь кого-то и чмокаешь в щечку, даришь цветы, видишь этого человека в домашнем халате... а потом хлоп – и готово. Прощайте навеки. Рано или поздно появляется чья-то другая мама со своими рождественскими ужинами и варикозными венами. Но разницы никакой – меняются только домашний адрес и цвет халата.

Я пытаюсь немного прибраться в подсобке, когда до меня доносится разговор Барри с покупателем – судя по тому, что я слышу – мужчиной средних лет, в музыке и близко не разбирающимся.

– Я ищу пластинку для дочери. На день рождения ей подарить. Называется «I Just Called To Say I Love You»²⁷. У вас есть?

– Конечно, – говорит Барри. – Разумеется есть.

Я знаю наверняка: у нас есть только один сингл Стиви Уандера – «Don't Drive Drunk»²⁸, – и мы не можем его сплавить уже лет сто, даже за шестьдесят пенсов. Барри что, не в себе?

Я выхожу посмотреть, что происходит. Барри стоит и ухмыляется в лицо клиенту; тот, похоже, несколько смущен.

– В таком случае дайте мне ее. – Он улыбается с облегчением, как ребенок, в последний момент вспомнивший сказать «спасибо».

– Нет. Извини, не дам.

Покупатель – он оказался старше, чем я предположил сначала, – словно прирос к полу. Так и слышишь, как он думает про себя: «Правильно не хотелось мне соваться в эту мрач-

²⁷ «Я просто позвонил сказать, что я тебя люблю».

²⁸ «Пьяным не садись за руль».

ную дыру. Сунулся – вот и попал».

– Почему?

– Чего? – У Барри играет Нил Янг, который как раз в этот момент заголосил что было сил.

– Почему не дадите?

– Потому что это – липкая сентиментальная срань, вот почему. Ведь наш магазин не похож на место, где торгуют помоечной «I Just Called To Say I Love You», скажи? Короче, топай. И без тебя дел полно.

Бедняга поворачивается и выходит. Барри радостно хихикает.

– Спасибо тебе большое, Барри.

– А чего такого?

– Ты только что выпер покупателя.

– У нас все равно нет, чего он хотел. Я немножко развлекся, и тебе это не стоило ни пенни.

– Не в том дело.

– Не в том? Тогда в чем?

– Дело в том, что я хочу, чтобы ты ни с кем здесь больше так не разговаривал, кто бы ни зашел.

– Неужто думаешь, что этот слабоумный пень мог стать постоянным клиентом?

– Я так не думаю, но... Послушай, Барри, дела в магазине не ахти. Да, мы всегда рады постебаться над покупателем, который спрашивает что-нибудь, что нам самим не нравится. Но с этим пора кончать.

– Ерунда. Если б у нас была эта пластинка, я бы ее ему продал, ты бы стал на полтинник, а то и на фунт богаче, а его мы больше никогда бы не увидели. Тоже мне говнапирога.

– Он тебе не сделал ничего плохого.

– Нет, он сделал мне плохого – он оскорбил меня своим ужасным вкусом.

– Ужасный вкус, и тот не его, а дочери.

– Что-то ты, Роб, с годами размяк. Были же времена, когда ты сам погнал бы этого типа в три шеи.

Он прав, были такие времена. Они прошли, и, как сейчас кажется, давным-давно. Выходить из себя по подобным пустякам я больше не способен.

Во вторник вечером я переставляю свою коллекцию – я люблю этим заниматься в периоды душевных невзгод. Иные сочтут такой способ вечернего времяпрепровождения тоскливым, но только не я. В конце концов, это же моя жизнь, и так хорошо окунуться в нее, погрузить в нее руки, пощупать.

При Лоре пластинки стояли по алфавиту, а до того – в хронологическом порядке, начиная с Роберта Джонсона и кончая, ну не знаю, Wham! каким-нибудь африканцем, или что там еще я слушал, когда мы с Лорой познакомились. Но сегодня меня посетила свежая идея: попытаться расставить их в том порядке, в каком я их когда-то покупал, – так, не прибегая к бумаге и ручке, глядишь, и напишу собственную автобиографию. Я достаю диски с полок, сваливаю кучами

на полу, отыскиваю «Revolver» и с него начинаю. Когда дело сделано, меня переполняет чувство собственной значимости, ведь, если рассудить, в моей коллекции весь я. Мне нравится, что я могу проследить, как когда-то за двадцать пять шагов преодолел расстояние между Deep Purple и Хаулин Вулфом; меня больше не ранят воспоминания о том, как в один из периодов вынужденного целибата я без конца крутил «Sexual Healing»²⁹; меня уже не бросает в краску от истории создания моими трудами школьного рок-клуба, в котором мы с приятелями-пятиклассниками собирались побеседовать о Зигги Стардасте и «Tommy»³⁰.

Но больше всего в новой систематизации мне нравится то, что она внушает мне уверенность в себе – она выставляет меня личностью более сложной и неоднозначной, чем я есть на самом деле. У меня около двух тысяч пластинок, и надо быть мною – или, во всяком случае, профессором флемингологии, – чтобы найти среди них нужную. Если, скажем, мне вздумается поставить диск Джони Митчелл «Blue», я прежде должен вспомнить, что купил его кое-кому в подарок осенью восьмидесят третьего, а потом, по причинам, в которые вдаваться не хочу, дарить передумал. Вы-то обо этом ничего не знаете и, соответственно, пребываете в полной растерян-

²⁹ «Исцеление сексом».

³⁰ Зигги Стардаст – персонаж-маска Дэвида Боуи, у которого в 1972 году вышел диск «Ziggy Stardust and the Spiders From Mars»; «Tommy» – рок-опера группы The Who (1969), считается первым произведением в этом жанре.

ности. Чтобы раскопать какую-то определенную пластинку, вам придется обратиться за помощью ко мне, и меня эта мысль почему-то необычайно греет.

В среду кое-что происходит. Появляется Джонни, запекает «All Kinds of Everything», пытается заграбастать охапку пластинок. Мы в своем привычном танце уже приближаемся к выходу, когда он вдруг выворачивается, смотрит мне в глаза и спрашивает:

– Ты женат?

– Нет, Джонни, не женат. А ты?

Он смеется мне в подмышку леденящим кровь смехом ма-
няка и при этом обдает меня ароматом спиртного, табака и
блевоты, а потом вдруг произносит совершенно бесстрастно:

– Как ты думаешь, будь у меня жена, сидел бы я в такой
заднице?

Я не отвечаю – просто сосредоточиваюсь на том, чтобы
поскорее дотанцевать с Джонни до двери, но его прямая в
своей безысходности самооценка привлекает внимание Бар-
ри, который, похоже, до сих пор дует на меня за вчераш-
нее, и Барри перевешивается через прилавок:

– При чем тут жена? Вот Роб живет с очаровательной жен-
щиной, а ты посмотри на него – разве не кошмар? Постри-
жен плохо. Штаны все в пятнах. Фуфайка ужасная. Носки
невообразимые. Между ним и тобой, Джонни, единственная
разница – тебе не надо каждую неделю отстегивать за аренду

магазина.

Нечто подобное я получаю от Барри часто. Но сегодня у меня нет желания все это выслушивать, и я одариваю его взглядом, который должен был послужить сигналом заткнуться, но Барри принимает его за приглашение продолжить измывательство:

– Роб, я же тебе добра желаю. Кошмарней твоей фуфайки в жизни не видал. Среди моих знакомых нет ни одного, кому бы фуфайка так плохо шла. Нет, это не фуфайка, а позор рода человеческого. Дэвид Коулман не надел бы ее для эфира «Спортивной викторины». Джон Ноукс наложил бы на нее арест за преступление против моды. Вэлу Дуникану³¹ хватило бы одного взгляда, чтобы...

Я вышвыриваю Джонни на улицу, с грохотом захлопываю дверь, проношусь к прилавку, хватаю Барри за лацканы вельветового пиджака и говорю, что, если я еще хоть раз услышу его пустой и бессмысленный треп, ему не жить. Отпустив Барри, я все еще дрожу от злости.

Дик появляется из подсобки, нервно пританцовывая.

– Эй, ребята, – говорит он чуть слышно, – спокойнее.

– Ты чего, совсем идиот? – спрашивает меня Барри. – Если пиджак порвался, ты, чувак, на деньги попал.

Он так и выражается: «На деньги попал». Господи! А по-

³¹ Дэвид Коулман – ведущий «Спортивной викторины» на Би-би-си; Джон Ноукс – ведущий подростковой телепередачи; Вэл Дуникан – музыкант, ведущий развлекательных радио и телешоу.

том топает прочь из магазина.

Я иду в подсобку и сажусь на ступеньку стремянки. На пороге вырастает Дик:

– Тебе плохо?

– Нет. Извини. – Я выбираю самый легкий путь. – Послушай, Дик, я не живу с очаровательной женщиной. Она ушла. И если ты когда-нибудь еще встретишь Барри, может, скажешь ему об этом?

– Конечно, Роб. Нет проблем. Никаких проблем. Как увижу его, так и скажу.

Я молча киваю.

– Я... Мне все равно надо ему кое-что сказать, так что нет проблем. Я скажу про это, ну, про Лору, когда буду рассказывать про свое, – говорит Дик.

– Вот и отлично.

– Да, я, конечно, начну с твоей новости. Мне-то надо сказать ему так, ерунду – кто завтра выступает в «Гарри Лаудере». А про Лору сначала. Это, как обычно, хорошая новость, а потом плохая, – говорит Дик.

Он нервически смеется.

– Или, вернее, плохая новость, а потом хорошая, потому что та, которая завтра в «Гарри Лаудере», ему нравится. – Лицо Дика искажает ужас. – В смысле, Лора ему тоже нравилась, я ничего такого не имел в виду. И ты ему нравишься. Просто я...

Заверив Дика в полном понимании того, что он имеет в

виду, я прошу его сделать мне кофе.

– Да. Конечно. Роб, а знаешь, может, ты хочешь... ну как бы... поговорить об этом? А?

Какое-то мгновение я почти испытываю соблазн: задушевная беседа с Диком, ведь это ж никогда в жизни не повторится. Но я отвечаю, что мне нечего сказать. Он готов был заключить меня в объятия – так мне показалось в тот момент.

Мы все втроем идем в «Гарри Лаудер». С Барри уже все нормально. Он вчера вернулся в магазин, и Дик ему все рассказал; теперь они оба изо всех сил меня обхаживают. Барри записал для меня новый сборник, тщательно указав на вкладыше кассеты исполнителей и названия вещей, а Дик начал перефразировать каждый свой вопрос уже не обычные два-три раза, а четыре-пять. На этот концерт они затащили меня чуть ли не силой.

«Гарри Лаудер» – огромный паб с таким высоким потолком, что табачный дым, собираясь под ним, висит нарисованным облаком. В пабе грязно, гуляют сквозняки, обивка скамеек порезана, официанты угрюмы, завсегдатаи либо наводят ужас на случайных посетителей, либо уже просто ничего не замечают, в туалетах лужи и вонь, вечером поешь нечего, вино головокружительно плохое, крепкое пиво слишком пенистое и уж больно холодное. Иными словами, «Гарри Лаудер» – самый заурядный паб Северного Лондона. Хотя от магазина до него рукой подать, мы заходим сюда не слишком часто, поскольку обычно здесь играют запредельно бездарные панк-группы, такие, что еще приплатишь, лишь бы не слушать этого кошмара. Но время от времени, как, например, сегодня, они приглашают какого-нибудь никому не известного американского певца кантри, чьи поклонники в

полном составе приезжают на концерт в одной легковушке. Паб заполнен приблизительно на треть, что для этого места уже неплохо, и, когда мы входим, Барри обращает наше внимание на Энди Кершо³² и парня, который пишет для «Тайм-аута»³³. В «Гарри Лаудере» обычный вечер.

Мы пришли слушать некую Мэри Ласалль; эта американка выпустила пару сольных альбомов на независимом лейбле и одну ее вещь перепела Нэнси Гриффит. Дик говорит, она перебралась к нам; он вычитал где-то, что она считает английскую публику более открытой ее творчеству, то есть, как я это понимаю, наше благодушное безразличие ей милее откровенной враждебности соотечественников. В пабе полно одиноких мужчин – одиноких не в том смысле, что неженатых, а просто тех, что пришли сами по себе. На этом фоне мы втроем – мрачный и молчаливый я, нервный и застенчивый Дик, изо всех сил старающийся не сболтнуть чего-нибудь лишнего Барри – являем собой шумную и многолюдную корпоративную тусовку.

Никакого разогрева нет, только из тухлых динамиков льется со скрипом добротное кантри; публика топчется с пивными кружками в руках, рассматривая выданные на входе афишки. Мэри Ласалль поднимается на сцену (сценой

³² Энди Кершо – ведущий субботней музыкальной программы на радио Би-си.

³³ Time Out – еженедельный журнал, печатающий программу лондонских культурных мероприятий и другие соответствующие материалы.

здесь называют скромное возвышение с двумя микрофонами, мы от нее в нескольких ярдах) в девять, а в пять минут десятого, к собственному глубокому неудовольствию и недоумению, я уже заливаюсь слезами. От пофигизма последних нескольких дней не остается и следа.

С тех пор как ушла Лора, я целеустремленно старался не слышать некоторых песен, но та, с которой начинает Мэри Ласалль, та, что выжимает у меня слезы, к ним не относится. От этой песни я и раньше никогда не плакал; по правде сказать, меня от нее всегда тошнило. Когда она была на пике популярности, я учился в колледже; мы с Чарли закатывали глаза и вставляли два пальца в широко разинутый рот, стоило кому-нибудь завести ее на музыкальном автомате в баре – это обязательно бывал кто-нибудь с географического отделения или будущая учительница начальных классов. И дело тут вовсе не в снобизме, ведь мы просто констатировали очевидную, лежащую на поверхности истину. Песня, из-за которой я плачу, это «Baby, I Love Your Way»³⁴ Питера Фрэмптона.

Представить только, вот я стою с Барри и Диком, облаченным в футболку с The Lemonheads, и рыдаю над тем, как Мэри Ласалль исполняет старую вещь Питера Фрэмптона! Не кого-нибудь, а Фрэмптона! Создателя бессмертной «Show Me the Way»³⁵. Как он впадал в раж на этой дурац-

³⁴ «Детка, я люблю в тебе все»

³⁵ «Покажите мне путь».

кой песенке, и тогда его гитара пела голосом Дональда Да-ка! А его диск «Frampton Comes Alive» – он лет семьсот двадцать возглавлял американские хит-парады – приобрел, пожалуй, каждый провонявший кока-колой козел в Лос-Анджелесе! Понимаю, мне очень был нужен знак, благодаря которому я бы осознал, что недавние события все же сильно меня травмировали. Но зачем же так жестоко? Разве не мог Господь воспользоваться каким-нибудь умеренно поганым средством – например, стареньким хитом Дайаны Росс или, скажем, Элтона Джона?

Это еще не все. Когда Мэри Ласалль раскланивается после «Baby, I Love Your Way» («Да, я знаю, эта песня не должна бы мне нравиться, но что поделаешь?» – говорит она с нахальной улыбкой), я ловлю себя на двух взаимоисключающих душевных состояниях: а) я вдруг испытываю такую неистовую тоску по Лоре, на какую за все четыре дня и намека не было; б) я влюбляюсь в Мэри Ласалль.

Такое случается. С мужчинами, во всяком случае. Или, может, только с этим вот конкретным мужчиной. Иногда. Трудно объяснить, почему в один прекрасный момент тебя начинает тянуть в двух разных направлениях одновременно, ясно лишь, что обязательной предпосылкой этого служит некая твоя расслабленная нелогичность. Но и определенная логика тут, конечно, есть. Мэри миловидна, со своими по-американски близко посаженными глазками она похожа на немного располневшую Сьюзан Дей, какой та была

после «Семейства Партридж» и до «Полиции Лос-Анджелеса»³⁶. Если иметь намерение безрассудно и бесцельно влюбиться, сойдет и не такая. (Проснувшись как-то утром в воскресенье, я включил телевизор и совершенно запал на Сару Грин из «Прямого эфира»; какое-то время я ее втайне обожал.) Она обаятельна, насколько я могу об этом судить, и не бездарна: покончив с Питером Фрэмптоном, Мэри поет вещи собственного сочинения; они отнюдь не плохие – трогательные, забавные и изящные. Всю жизнь я мечтал переспать... нет, не так – завести отношения с музыкантшей. Мечтал, чтобы она писала свои вещи у нас дома и спрашивала мое мнение о них, чтобы вставила в текст одной из песен только нам с ней понятный шуточный намек, чтобы выразила мне благодарность в аннотации к пластинке и, быть может, где-нибудь на развороте конверта, так, чтобы сразу не бросалось в глаза, даже поместила мою фотографию. А еще во время выступлений я смотрел бы на нее сзади, из-за кулис (хотя, впрочем, в «Гарри Лаудере» это выглядело бы по-идиотски: здесь нет кулис, и я стоял бы столбом на виду у всех).

Короче говоря, с тем, что касается Мэри, разобраться достаточно просто. Что до Лоры, то этот мой порыв требует несколько более мудреного объяснения. Как я понимаю, дело здесь вот в чем: сентиментальная музыка обладает спо-

³⁶ «Семья Партриджей» и «Полиция Лос-Анджелеса» – американские телесериалы, выходившие в 1970–1974 годах и в 1986–1994-х годах соответственно.

способностью увлекать слушателя одновременно куда-то назад и куда-то вперед, и ты в одно и то же время испытываешь тоску по прошлому и преисполняешься надеждами на будущее. Полное надежд будущее – это Мэри, то есть необязательно она, но кто-нибудь вроде нее, та, что переменит все мое существование. (Именно так: я всегда надеюсь, что женщина очистит и спасет меня, поведет меня к лучшей жизни.) А Лора, она из прошлого, последняя, кого я любил, и под слащавые аккорды акустической гитары я начинаю воссоздавать ту пору, когда мы с ней были вместе, и вот уже мы с Лорой едем в машине и пытаемся подпевать несущейся из приемника мелодии, у нас это плохо получается, и мы смеемся. В реальной жизни ничего подобного не бывало. Мы никогда не пели в машине, и уж тем более не смеялись, когда у нас что-нибудь не получалось. По-хорошему, не надо бы мне сейчас слушать музыку.

Пока что мне все равно: Мэри могла бы остановить меня, когда я соберусь уходить, и поинтересоваться, не хочу ли я поужинать с ней; придя домой, я мог бы обнаружить там Лору, сидящую с чашкой чаю и нервно ожидающую моего прощения. Обе эти картинки одинаково привлекательны, и я был бы несказанно счастлив, обернись явью любая из них.

Отыграв около часа, Мэри делает перерыв. Она садится на край сцены и отхлебывает из бутылки «Будвайзер», а откуда-то появившийся парнишка приносит и ставит рядом с ней

коробку с кассетами. Кассеты продаются по пять девяносто девять, но на самом деле выходит, что по шесть фунтов, потому что мелочи у парнишки нет. Мы покупаем одну кассету на троих, и тут, к нашему ужасу, она с нами заговаривает:

– Вам нравится?

Мы киваем.

– Здорово. Мне и самой нравится.

– Здорово, – соглашаюсь я, и это лучшее, на что я сейчас способен.

У меня только десятка, и я стою как дурак, пока продавец шарит по карманам в поисках четырех фунтов.

– Правду говорят, что вы поселились в Лондоне? – спрашиваю я.

– Ага. Неподалеку отсюда.

– Вам нравится город? – интересуется Барри.

Умница. Я бы не додумался об этом спросить.

– Нормальный город. Эй, а вы, ребята, как раз, наверно, знаете: тут в округе есть приличные музыкальные магазины или надо тащиться в Уэст-Энд?

Что толку притворяться обиженными? Да, мы ребята, которые как раз знают про музыкальные магазины. Так мы выгладим, и облик наш не обманчив.

Барри с Диком наперегонки делятся своим знанием:

– У него приличный магазин!

– У него, у него!

– В Холлоуэе!

- На Севен-Систерз-роуд!
- Называется Championship Vinyl!
- Мы в нем работаем!
- Вам там понравится!
- Заходите к нам!

Их энтузиазм веселит Мэри.

- Продается-то у вас что?

– Разное хорошее. Блюз, кантри, качественный соул, новая волна...

- Интересно.

С ней хочет поговорить кто-то еще, она мило нам улыбается и отворачивается. Мы отходим туда, где стояли во время концерта.

– Зачем вы рассказали про магазин? – спрашиваю я своих спутников.

– А я и не знал, что это военная тайна, – говорит Барри. – У нас мало покупателей, ну и я решил, что с точки зрения развития бизнеса это не слишком хорошо.

- Она не станет ничего покупать.

– Естественно, не станет. Ведь для того она и спросила про приличные музыкальные магазины – хочет зайти и даром отнять у нас побольше времени.

Я знаю, что веду себя как дурак, но совсем не хочу, чтобы она приходила в мой магазин. Вдруг, если она придет, я по-настоящему проникнусь к ней и стану потом только о том и думать, когда же она придет снова, а когда она придет сно-

ва, буду нервничать и вести себя как дурак и в конце концов неуклюже и обвиняками приглашу ее пойти куда-нибудь выпить, а она не поймет намека, и я почувствую себя идиотом, или просто пошлет меня, и я почувствую себя идиотом. По дороге с концерта я уже гадаю, появится ли она завтра в магазине, и если появится, будет ли это что-то означать, и если будет, то для кого? Хотя, похоже, Барри отдыхает.

Ё-мое. Как же все это надоело. И до каких седин надо дожить, чтобы это наконец прекратилось?

Дома меня ждут два сообщения на автоответчике – первое от Лориной подруги Лиз, второе от Лоры. Вот они.

1. Роб, это Лиз. Звоню, потому что... ну, чтобы убедиться, что у тебя все в порядке. Позвони нам как-нибудь. Да, и я не хочу выбирать между ней и тобой. Но тем не менее. Целую, пока.

2. Привет, это я. Кое-что хотела тебе сказать. Если можешь, перезвони мне утром на работу. Спасибо.

Безумец мог бы вычитать из этих сообщений все что угодно; человек в здравом уме заключил бы, что первый звонивший искренне ко мне расположен, а второму глубоко на меня плевать. Я не безумец.

С утра первым делом звоню Лоре. Меня мутит, пока я набираю номер, а когда секретарша берет трубку, становится еще хуже – раньше она меня узнавала, теперь же разговаривает как с незнакомым. Лора хочет заехать в субботу после обеда, пока я буду в магазине, и забрать кое-что из белья, я не возражаю; тут бы нам и попрощаться, но я пытаюсь затеять серьезный разговор, ей это не нравится, потому что она на работе, но я настаиваю, и она, уже чуть не плача, бросает трубку. Чувствую себя полным кретином, но я просто не сумел вовремя остановиться. Никогда не умел.

Интересно, что бы сказала Лора, узнай она, что больше всего меня сейчас заботит, придет Мэри ко мне в магазин или нет? Я заявил ей, что она исковеркала всю мою жизнь – пока продолжался телефонный разговор, я в это искренне верил, – и вот теперь без тени смущения или недовольства собой раздумываю, что бы надеть, как мне будет лучше – гладко выбритым или с легкой щетиной, и какую музыку крутить сегодня в магазине.

Порой создается впечатление, что, только присмотревшись к своему поведению с женщинами – или, вернее сказать, с завтрашними или сегодняшними партнерами, – мужчина способен трезво оценить степень собственной симпатичности и порядочности. Между мужчинами все проще:

достаточно поставить приятелю стаканчик в баре, записать для него сборник, справиться по телефону, все ли в порядке... короче, существует немало нехлопотных способов зарекомендовать себя Славным Малым. Проявлять же неизменное благородство с подругой – задача не в пример мудренее. То ты как заведенный драишь унитаз, говоришь ей о своих чувствах и делаешь все остальное, что в наше время ожидается от кавалера, а то, буквально в следующий момент, начинаешь манипулировать ею, бурчать, лицемерить и врать. Черт знает что.

Днем я звоню Лиз. Она мила со мной. Говорит, что очень сожалеет о случившемся, что мы были замечательной парой, что я сделал Лоре много добра, что благодаря мне она обрела душевный стержень, перестала замыкаться в себе, научилась радоваться жизни, стала милее, уравновешеннее, умиротвореннее, начала интересоваться чем-то помимо работы. Лиз, собственно, этих слов не произносит, но я ее так понимаю. По-моему, она все это подразумевает, когда говорит, что мы были замечательной парой. Она спрашивает, как у меня дела, интересуется, не забываю ли я заботиться о себе, и сообщает, что ей не больно-то нравится этот Иен. Мы договариваемся выпить где-нибудь на следующей неделе. Я вешаю трубку.

Блин, что еще за Иен?

Вскоре в магазин приходит Мэри. Мы все трое на месте. Я как раз поставил ее кассету и, когда появляется Мэри, то-

роплюсь выключить систему, пока она не заметила, что у нас играет, но вовремя не успеваю и выключаю ровно в тот момент, когда она начинает что-то говорить об этой своей записи, поэтому я снова включаю ее и заливаюсь краской. Она смеется. Я скрываюсь в подсобке и сижу там. Барри с Диком продают ей кассет на семьдесят фунтов.

Блин, что еще за Иен?

Барри вваливается ко мне в подсобку:

– Мы в списке на концерт Мэри в «Белом льве». Во как. Все трое.

За каких-то полчаса я умудрился выставить себя в смешном виде перед женщиной, к которой испытываю интерес, и узнать, что у моей бывшей жены, по всей видимости, роман. Я ничего не желаю знать про списки приглашенных в «Белого льва».

– Это здорово, Барри. Правда здорово. Мы в списке приглашенных в «Белого льва»! Теперь нам остается только смотреть в Патни и обратно и таким образом сэкономить по пятерке на брата. Вот что значит полезные знакомства!

– А поехали на твоей машине.

– Машина не моя, а Лорина. Не знал? Ее купила Лора. Так что на выбор: два часа в подземке или такси, которое обойдется... ага, по пятерке на брата. Красота!

Барри пожимает плечами: дескать ну что ты будешь делать с этим типом – и уходит. Мне хреново, но я молчу.

Я не знаю никого по имени Иен. Лора не знает никого по имени Иен. Мы прожили вместе три года, и я ни разу не слышал, чтобы она упоминала какого-нибудь Иена. На работе у нее Иенов нет. И нет друзей по имени Иен, и ни у одной из ее подруг приятеля не зовут Иеном. Не стану утверждать, что за всю свою жизнь она не встречала никого с таким именем — например, она могла познакомиться с каким-нибудь Иеном в колледже, хотя заведение, где училась Лора, было чисто женским, но я почти уверен, что начиная с 1989 года она обитала во вселенной, в которой Иену места не было.

Уверенность в том, что Иена не существует, сохраняется у меня до прихода домой. На подоконнике в холле подъезда, куда обычно складывают почту, среди рекламок доставки еды на дом и карточек с телефонами вызова такси лежат три конверта: счет для меня, Лорино банковское извещение... и напоминание, что пора заплатить за кабельное телевидение, адресованное мистеру И. Рэймонду (для друзей и, что в данной ситуации более актуально, для соседей он просто Рэй), парню, который жил прямо над нами и съехал месяца полтора назад.

Войдя в квартиру, я весь дрожу. Меня тошнит. Я знаю, что это он. Я понял это, едва увидел конверт. Я помню, как Лора несколько раз поднималась к нему наверх, помню, как она... нет, не кокетничала, но поправляла прическу явно чаще и улыбалась явно легкомысленнее, чем это было необходимо, когда он спустился чокнуться с нами на прошлое Рождество.

Как раз ее тип – трогательный, надежный, внимательный, во взгляде ровно столько грусти, чтобы она возбуждала интерес. Он еще тогда мне не понравился, а теперь я его люто ненавижу.

И давно это? И как часто? В последний раз я разговаривал с Рэем – или Иеном – вечером накануне его отъезда... Неужели и тогда? Она что, шастала к нему по вечерам, когда меня не было дома? А эта пара с первого этажа, Джон и Мелани, они что-нибудь знают? Он оставил нам карточку с новым адресом, и я трачу много времени на ее поиски, но она зловещим и многозначительным образом исчезла – если только я сам ее когда-то не выкинул, в каком случае зловещую многозначительность вычеркиваем. (А что бы я стал делать, если бы нашел эту карточку? Позвонил бы? Или заскочил бы проверить, не скучает ли он?)

Что я могу о нем вспомнить? Рэперские штаны; записи – африканская, латиноамериканская, болгарская и всякая другая этническая хренотень по моде последней недели; истеричный, нервный, режущий ухо смех; тошнотворный запах готовки, отравляющий воздух на лестничной клетке; гости, которые засиживались слишком поздно, пили слишком много и, уходя, очень шумели. Нет, не могу вспомнить о нем решительно ничего хорошего.

Худшие, самые болезненные и мучительные воспоминания мне удастся не выпускать на волю до тех пор, пока я не ложусь спать и не слышу, как у меня над головой топает и

грохочет дверцами шкафа соседка сверху. Я вспоминаю самое страшное, то, отчего любой человек (или только мужчина?) в моем положении обольется холодным липким потом: *мы слышали, как он занимался любовью*. Мы слышали звуки, которые производил он; мы слышали звуки, которые производила она (у него было две или три разные партнерши за то время, что нас троих – или четверых, если считать ту, что оказывалась в постели Рэя, – разделяли несколько жалких квадратных футов паркета и потолочных панелей).

– Долго не кончает, – сказал я как-то ночью, когда мы вдвоем лежали, уставившись в потолок.

– Кому-то повезло, – ответила Лора.

Это была шутка. Мы засмеялись «ха-ха-ха» и все не могли остановиться. Больше я не смеюсь. Ни от одной другой шутки мне никогда не делалось так тошно, страшно, неудобно и скверно, ни одна другая шутка не сводила меня с ума так, как эта сводит теперь.

Когда женщина бросает мужчину и он чувствует себя несчастным (да, сейчас, после недолгих фаз оцепенения, дурного оптимизма и наигранного равнодушия я чувствую себя несчастным, хотя и хочу по-прежнему, чтобы моя фотография скромно красовалась на следующем альбоме Мэри)... Но в том ли дело? Иногда мне кажется, что да, иногда – что нет. Я уже через кое-что прошел благодаря Чарли и Марко, рисуя в воображении яркие картины: вот они вместе, занимаются *этим*, лицо Чарли искажает страсть, которой я

так никогда и не смог в ней пробудить.

Должен признать, при всем нежелании это признавать (при желании расслабиться, пожалеть себя, отпраздновать собственное поражение – что может быть естественнее в моей ситуации?), по этой части все было нормально. Я так думаю. Но в моих кошмарных видениях Чарли представляла необузданной и голосистой героиней порнофильма. Она была игрушкой в руках Марко, отзывалась на каждое его прикосновение воплями оргастического восторга. Ни одна женщина за всю историю человечества не получала большего удовольствия от секса, чем Чарли, трахаясь с Марко в моем воображении.

Но это ерунда, в реальности все было далеко не так. Насколько мне известно, Марко с Чарли даже не поженились, и Чарли все эти годы болталась между небом и землей, пытаюсь – и неизменно терпя при этом горькие неудачи – вернуть тихий, сдержанный экстаз наших с нею ночей. А про Иена я точно знаю, что он совершенно неистовый любовник; и Лора знает. Мне все было слышно; Лоре тоже. То, что нам было слышно, вгоняло меня в тоску, и Лору, как я думал, не меньше моего. Теперь я в этом не уверен. Неужели она свалила только потому, что хотела приобщиться к происходившему этажом выше?

Не понимаю, почему это так важно. Иен запросто мог бы лучше меня уметь поддерживать беседу, или готовить, или работать, или убираться в квартире, или копить деньги, или

зарабатывать их, или тратить, или понимать кино и литературу; он мог быть приятнее меня в общении, красивее, умнее, чистоплотнее, великодушнее, предупредительнее, да и во всех отношениях быть лучшим, чем я, человеком... Я бы не стал возражать. Честно. Я понимаю и признаю, что нельзя блистать абсолютно во всем и сам я во многих вещах фатально беспомощен. Но секс – совсем другое дело; мысль о том, что твой преемник лучше тебя в постели, невыносима. Почему так, не знаю.

Я знаю довольно для того, чтобы понимать, что это глупо. Знаю, например, что самый захватывающий секс в жизни не имел для меня особого значения; моей партнершей в самом захватывающем в жизни сексе была некая Роза, с которой я спал всего четыре раза. Этого было недостаточно (в смысле, такого секса, а не четырех раз, которых хватило вполне). Она заводила меня до невозможности, и я заводил ее до невозможности, и у нас каждый раз получалось кончить вместе (а именно это, как мне кажется, для большинства является главным критерием хорошего секса, вне зависимости от того, что бы там доктор Рут³⁷ ни говорила об эмоциональной близости, уважении к партнеру, доверительных беседах в постели, изобретательности, разнообразии поз и использовании наручников), но все это ровным счетом ничего не значило.

³⁷ Доктор Рут – Рут Вестхаймер, американский сексотерапевт, начиная с 1980 года активно выступающая по радио, телевидению, в газетах и т. д.

Так что же я так извожусь из-за Лоры и этого Иена? Почему мне не дают покоя мысли о том, как долго не кончает он, и как долго не кончал я, как она стонет под ним, и как она стала подо мной? Могу лишь предположить: всему виной до сих пор стоящий у меня в ушах голос Криса Томсона, этого взбесившегося от тестостерона неандертальца, этого прелюбодея-четвероклассника, когда он назвал меня недоноском и сообщил, что кинул палку моей подружке. От этого голоса мне до сих пор плохо.

Ночью мне снится сон, который, по-хорошему, и не сон вовсе, а все та же ерунда про то, как Лора трахается с Рэем, и Чарли трахается с Марко, и я рад пробуждению, поскольку с ним прекращается этот сон. Но радости хватает всего на несколько секунд, потому что до меня доходит: вот сейчас Лора трахается с Рэем (не исключено, что уже не трахается, поскольку, как-никак, на часах без четырех минут четыре, но, с другой стороны, с его неутомимостью – и, ха-ха-ха, неспособностью кончить – наверняка быть уверенным нельзя), а я – вот он я, в полном одиночестве в своей убогой квартирке, и мне тридцать пять лет, и мой бизнес погибает, и все мои друзья, по сути, никакие не друзья, а просто люди, чьи телефоны я пока еще не потерял. И если я прямо сейчас снова усну и просплю сорок лет, а потом проснусь, беззубый, в доме для престарелых под льющуюся из радиоприемника музыку, я не стану дергаться, ведь худшая часть жизни, то

есть весь ее остаток, уже позади. Даже не придется предпринимать попытку самоубийства.

До меня только теперь доходит, как это здорово, когда что-нибудь случается, дома ли, на работе, а без этого начинаешь заикливаться черт знает на чем. Живя в Боснии, я бы не воспринимал отсутствие подруги как конец света, но здесь, в Крауч-Энде³⁸, воспринимаю. Чтобы тебя не сносило течением, нужно побольше балласта; нужно, чтобы вокруг были люди, чтобы что-нибудь происходило, иначе жизнь напоминает фильм, на съемки которого не хватило денег, и поэтому нет ни декораций, ни натуральных съемок, ни второстепенных персонажей, и только какой-то малый пялится в камеру, и ему нечего делать и не с кем поговорить; ну и кто поверит в достоверность этого образа? Мне необходимо больше фактуры, больше суматохи, больше деталей, чтобы сегодня-завтра не полететь в тартарары.

³⁸ Крауч-Энд – район зеленых улиц и домов среднего класса, расположенный в северной части Лондона.

Ровно через неделю после того, как ушла Лора, мне звонит женщина из Вуд-Грин³⁹ и говорит, что у нее есть синглы, которые, она думает, могли бы меня заинтересовать. Обычно я не связываюсь с такими предложениями, но она произносит какие-то слова об ограниченных изданиях, авторских конвертах и еще о чем-то в этом роде, и я понимаю, что речь идет не о полудюжине запиленных дисков Electric Light Orchestra, оставленных покинувшим родительское гнездо сыном.

Ее огромный дом кажется забредшим в Вуд-Грин из какой-то другой части Лондона, а она сама не слишком симпатичной. Ей под пятьдесят, лицо подозрительно загорелое и подтянутое; она одета в джинсы и футболку, но на джинсах, на том месте, где должно было бы фигурировать имя мистера Ранглера или мистера Леви, у нее фамилия какого-то итальянца, а спереди на футболке блестящими камешками вышит пацифик.

Она не улыбается мне, не предлагает чаю или кофе, не спрашивает, легко ли я нашел ее дом, несмотря на студеной проливной дождь, который всю дорогу застилал мне глаза. Она молча проводит меня из прихожей в кабинет, включает

³⁹ Вуд-Грин – достаточно отдаленный от центра небогатый район на севере Лондона.

свет и показывает на синглы — несколько сотен их уложены в сделанные по заказу коробки на верхней полке стеллажа.

На стеллаже ни одной книги — только пластинки, компакт-диски, кассеты и дорогая аудиоаппаратура; на каждой кассете наклейка с номером, что всегда служит признаком серьезного собирателя. У стены две гитары и компьютер, судя по всему способный при желании хозяина производить музыку.

Я взбираюсь на стул и начинаю снимать с полки коробки с синглами. Их семь или восемь; спуская коробки на пол, я стараюсь не заглядывать внутрь, но все же замечаю верхнюю пластинку в последней коробке: это тридцатилетней давности сингл Джеймса Брауна, записанный на King Records. Меня охватывает зуд нетерпения.

Приступив к подробному осмотру, скоро понимаю, что именно о таком улове я мечтал всю жизнь с тех самых пор, как начал коллекционировать записи. Тут и синглы The Beatles, выпущенные только для членов фан-клуба, и первые шесть синглов The Who, и первоиздания Элвиса начала шестидесятых, и уйма редких записей блюза и соул, и... *вышедшая на «Эй энд Эм» «God Save the Queen» Sex Pistols!* Да я в глаза не видел ни одной из этих пластинок! Я в глаза не видел никого, кто бы видел хотя бы одну из них! И... о нет-нет-нет, боже! — «You Left the Water Running»⁴⁰ Отиса Реддинга, который поступил в продажу через семь лет после его смер-

⁴⁰ «Ты оставил воду включенной».

ти и был немедленно отозван вдовой, утверждавшей, что она никогда не оставляла кран без нужды открытым...

– Что скажете? – Она стоит, прислонясь к косяку, со сложенными на груди руками, и улыбается, глядя на мою обалдевшую физиономию.

– Это лучшее собрание, какое я когда-либо видел.

Я не знаю, что ей предложить. Коллекция тянет по крайней мере на шесть или семь штук, и она это прекрасно понимает. Откуда у меня такие деньги?

– Давайте пятьдесят фунтов и забирайте все, что хотите, прямо сейчас.

Я тупо смотрю на нее. Мы вступили в пределы Страны Чудес, где маленькие старушки сулят тебе хорошие деньги, лишь бы ты забрал себе их чиппендейловский гарнитур. Но я имею дело отнюдь не с маленькой старушкой, и эта дама прекрасно отдает себе отчет в том, что ее добро стоит много больше пятидесяти фунтов. Как это все прикажете понимать?

– Пластинки что, краденые?

Она смеется:

– Неужто стоило тащить всю эту кучу через форточку из чужого дома, и все из-за каких-то там пятидесяти фунтов? Нет, они принадлежат моему мужу.

– И в настоящее время ваши с ним отношения оставляют желать лучшего?

– Он в Испании с двадцатитрехлетней подружкой моей

дочери. У него хватило наглости позвонить и попытаться занять у меня денег, а когда я отказала, он попросил продать коллекцию синглов и послать ему чек на всю вырученную сумму минус десять процентов моих комиссионных. Я выполняю его поручение. Хорошо бы у вас оказалась пятерка – я вставлю ее в рамку и повешу на стену.

– Он, наверное, очень долго собирал эту коллекцию.

– Многие годы. Если у него в жизни вообще были достижения, то это – его коллекция.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.